

Господин адвокат

Фридрих Незнанский

В состоянии необходимой обороны

«Автор»

Незнанский Ф. Е.

В состоянии необходимой обороны / Ф. Е. Незнанский —
«Автор», — (Господин адвокат)

Новое дело «господина адвоката» кажется абсолютно простым. В самом деле, трудно ли опытному юристу доказать явную невиновность молодого предпринимателя, защищавшего себя и свою жену от шайки озверевших подонков? Однако подзащитного находят в тюремной камере мертвым — и простое дело превращается в одно из самых сложных расследований «господина адвоката». Потому что эта загадочная гибель — всего лишь первое в череде сотрясающих город преступлений. Преступлений все более загадочных и нелогичных, но явно связанных между собой...

© Незнанский Ф. Е.

© Автор

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	19
Глава 3	25
Глава 4	31
Глава 5	37
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Фридрих Незнанский

В состоянии необходимой обороны

Глава 1

Только после того, как первая трава поднимется над жухлым прошлогодним сеном, ярко зазеленеет и скроет оттаявший мусор, будто вывалившийся из почерневших, исчезающих сугробов, после того, как повсюду во множестве расцветут золотистые одуванчики, только тогда весна становится по-настоящему свершившейся — сильной и радостной. А пока... От медленно и неторопливо тающего снега везде грязь. Утром гололед, днем влажная жара. Окно откроешь — простудишься. С закрытым окном на солнце душно. Намучаешься. На пригородок въедешь — асфальт сухой, цепкий, а внизу — обязательно скользкие от грязи лужи! В этих опасных лужах — под водой — и люки открытые прячутся, и битые бутылки могут быть. Камеру проколоть можно...

Вообще-то для таксиста каждая пора года имеет свои приятные сердцу плюсы и отвратительные до невозможности минусы. Сейчас, например, хорошо хотя бы то, что светает намного раньше. После темной, постылой зимы так приятно вывалиться из парка навстречу первым лучам не жгучего, ласкового солнышка! Совсем уже скоро долгожданное лето! А там и отпуск недалеко... Как раз в летнее затишье.

Из автомойки выкатился чистенький, свеженький... Крылья блестят, колпаки отливают хромом. Но конечно, ненадолго. Обязательно какой-нибудь проезжий гад на своем паршивом грузовике через лужу так махнет, так грязью окатит!.. Будто нарочно старается.

Виктор Шишков, как опытный таксист, в таких случаях чуть поддаст газку, чтоб не попасть в параллель с водителем грузовика, а первым проскочить лужу. Мелочь, казалось бы, а на самом-то деле довольно важное и нужное дело. Особенно в наше непростое время. Глядишь, у новичка к середине смены машина уже похожа на ком дерьма. Только клиентов распугивает. Это и понятно! Люди просто боятся прикасаться, испачкаться. А то и гаишник прицепится... А ведь обязательно прицепится, если увидит, что дверцы и крылья облеплены грязью!

А у Шишкова машина чистая, даже сверкает кое-где. Не жалко деньги платить за такой сервис. Вот к нему клиенты и тянутся своими ручками. А в руках — деньги...

— Негусто нынче, — сам себе задумчиво сказал Виктор, выворачивая с перекрестка направо, — но сейчас кого-нибудь подберем... Обязательно кто-то опаздывает, спешит... Пропал, бедолага, а нужно было пораньше. Придумывает, что бы такое соврать начальнику... Про будильник, про понос у детей. Слыхали всякие варианты.

Но вместо сони и разгильдяя первыми пассажирами у Шишкова в этот злополучный день оказалась капризная дамочка с болезненной старушкой.

Дамочка чуть ли не на проезжую часть выскочила, размахивая сумкой. А когда забрались в салон, они тут же с обидой в голосе объявили, что опаздывают в поликлинику, что какие-то там анализы нужно сдавать очень рано, а из-за такси могут опоздать. И тут же перешли на упреки таксопарку: мол, слишком долго ждать, хотя и удобно заказывать такси по телефону, но... Чуть ли не полчаса напрасно простояли на улице.

— Не дождалась! Пришлось самим ловить. По старинке.

— Ничего, успеем. Поспешай не торопясь! Так меня батя учил баранку крутить. Добежим вовремя, — успокоил их Виктор и вызвал по рации диспетчера: — Варя! Второй на связи! Я тут клиентов забрал с Делегатской улицы, сорок восемь. Передай отбой. Кто там на заказе был?

— Передам, — холодно отозвалась Варя. Даже через радиопомехи чувствовалось, как ей все это неприятно. — Николай сорок минут ждет их возле подъезда. Я заказчику звоню домой — никто не отвечает.

Значит, у Федыки заказ перехватил. Яснее ясного.

— А он случайно не перепутал Делегатскую с Депутатской?

— Кто старое помянет, тому глаз вон, — прошипела Варька.

— Не обижайся! Это я по-родственному, — объявил в эфир Шишков и обернулся к пассажирам: — Племянница моя. Потомственная таксистка! А муж у нее бывший мэнээс. В оборонке работал. Головастый мужик, хороший. Но специальность у него! Без поллитра, как говорится, и не выговоришь названия. У нас уже год работает. Старается. И от чрезмерного усердия...

Его благодушные рассуждения прервала рация:

— Сорок второй! Прими заказ, — с нескрываемой ненавистью приказала Варька. — Улица Спортивная! Записал? Не Партийная. А «спорт»! Спортивная! Дом два! Записал? Будешь там через десять минут. Ты меня понял?

— Понял, — буркнул кто-то в ответ.

Виктор включил рацию и вмешался в разговор:

— Федька, ты на эстакаду не суйся. Там сейчас та-а-кая пробка! До обеда простоишь. Гони на переезд, а оттуда за гаражами. Помнишь, я тебе тропинку показывал? Выскочишь за стадионом, там направо.

— Спасибо, — хрипнула рация.

— Его накажут из-за нас? — жалобно спросила болезненная старушка.

— Вряд ли. — В центральном зеркале Виктор видит, как дочка заботливо поправляет матери шарфик и что-то шепчет ей на ухо. — Варьке попадет. Она должна была предупредить, чтоб вы ждали машину дома, а не улице. Когда машина уже на месте, она звонит вам, сообщает номер.

— Это опять ты виновата, — старушка отталкивает дочь и капризно стаскивает с себя шарфик, — ты меня вечно торопишь, гонишь на улицу. Вот теперь плати за две машины!

— Как? — удивилась дамочка, суетливо озираясь. — А где у вас счетчик?

— Разве вам не объяснили систему оплаты? — в свою очередь удивился Шишков.

— Высадите меня! — захныкала старушка.

— Да, мы уже приехали. — Дочка стала рыться в сумочке, видимо разыскивая кошелек. — Немедленно остановите автомобиль!

Шишков остановил машину у самых дверей поликлиники.

— С вас пятьдесят рублей, — сказал он, печально глядя в сторону.

На самом деле неполный час стоит сотню. Да не хочется слушать упреки, обиды, жалобы... И денег-то, в общем, не жалко. Дело совсем в другом...

Сколько себя помнил, Виктор всегда был рядом с такси. Еще сопливым пацаном вечно крутился у отца в таксопарке. Тут кому-нибудь шестеренки масляной тряпочкой потрет, там дяде Васе подшипник в бензине промоет. Если кому-то надо тормоза прокачать, обязательно Витька в кабине педаль нажимает! И с самого первого рейса до наших дней, как говорится, Шишков постоянно убеждается в правоте народных шоферских примет. Одна из таких примет — первый пассажир! Какого клиента первым на борт возьмешь, таким и будет целый день!

— Вот возьмите. — Дамочка уже вылезла и с улицы протягивает сторублевку. — Спасибо. Мы приехали даже раньше, чем рассчитывали.

Виктор не торопится брать деньги. Покопался в карманах, нашел пятьдесят рублей.

— Ваша сдача, — хотел обменять купюры.

— Мы в подачках не нуждаемся, — поджала губки дамочка. — Нам диспетчер объясняла, что сколько стоит.

Старушка уже вышла, не по возрасту мощно хлопнув за собой дверцей.

Дочка оставила сторублевку на заднем сиденье.

Обиделись! Вот те раз! Шишков потянулся за деньгами. Странные люди. Суетятся, пыхтят. На ровном месте обижаются. Что им не так? Ведь заранее все объяснили.

У каждого человека обязательно есть какая-нибудь своя неповторимая странность. Что-то такое уникальное! Таксисты, врачи, милиционеры, продавцы — все, кто работает непосредственно с людьми, убеждаются в этом постоянно! Каждый день перед глазами движется нескончаемый поток разнообразнейших чудачков. Меняются как узоры в калейдоскопе. Добрые и злые, веселые и мрачные, голодные и сытые, запуганные и наглые... Каждый оставляет след в памяти. И захочешь, да не забудешь.

— В этом-то и главная прелесть нашей работы, — усмехнулся Виктор. — Работаем на воздухе, — пропел он, — работаем с людьми.

Ему действительно повезло в жизни — так уж получилось, но он искренне и по-настоящему всегда любил свою работу. Грязную, опасную, нервную. Неблагодарную... Но увлекательную! Все время случается что-то новое, необычное, удивительное... Дорога, дорога, дорога... И странные люди, спешащие по своим делам. Каждый что-то расскажет, чем-то порадует.

Виктор Шишков всегда был уверен в своей счастливой шоферской судьбе. По многим приметам! Но еще и потому, что в качестве самого первого пассажира ему Бог послал очень странного, добродушного дядьку. И вообще, в тот день все было как положено... С соблюдением всех примет и обычаев! Из парка торжественно проводили в первый рейс. В первую смену новичок обязан облажаться. Не нарочно, а на самом деле. К этому все в парке готовы. И с улыбочкой ждут, что случится с новичком. Какая такая невидаль с новичком приключится. Много анекдотов ходит про первый выезд.

Тогда Витька еще только из армии вернулся. Он и в армии шоферил. Два года на полуторке! А «Волгу» отлично знал с детства! Все модели, все модификации! Двадцать первую мог самостоятельно разобрать до последнего винтика и снова собрать!

К выезду подготовился капитально. Все до последней гаечки проверил. Подтянул, заправил. Ко всему был готов! Втайне подозревал, что оплошает с деньгами. Может статься, забудет с пассажира взять. Или счетчик забудет включить. На такой случай приготовил собственных десять рублей.

А тут... Виктор Шишков — потомственный таксист! — самым невероятным образом... заблудился!

Началось как в сказке... Прямо возле ворот таксопарка сел к нему пожилой дядечка... Приличный такой. В белом полотняном пиджаке.

А машина у Шишкова тогда была старая двадцать четвертая «Волга». Желтая, как полагается... Местами. Дали ржавую развалюху на первое время.

Это уж потом, будучи начальником, Шишков осознал, что старые и битые машины дают новичкам не от жадности, а от жалости. Чтобы им самим не так много было бы платить в случае аварии.

Сел, значит, пожилой дядечка. И что странно — не рядом с водителем на переднее сиденье, а сзади. Разложил возле себя всякие пакетики и кулечки, перебирает их, раскладывает...

— Командир, куда едем? — тоном заправского таксиста спросил Витька, едва сдерживаясь от того, чтоб сразу тут же не сообщить счастливицу: мол, вы у меня самый первый в жизни пассажир, а я выехал в самый первый рейс!

— Тут рядом, — хмыкнул дядечка, не поднимая головы. — По проспекту дом сто сорок пять. Во двор заедешь, пятый подъезд.

— Некоторые даже номер квартиры называют, — Витька к месту вспомнил чью-то бородатую шутку.

— Давно баранку крутишь? — недоверчиво поглядел дядечка.

— Всю жизнь! — честно признался Витька.

— Молодец! — засмеялся первый шишковский пассажир. — Сразу видно серьезного профессионала. Отец тоже шоферит?

— Все! — радостно доложил Витька, лихо щелкнув счетчиком. — Даже мать диспетчером работает. А брат на карьере песок возит!

— А прадед извозчиком, наверное, был?

Так за разговором Виктор и не заметил, как зачем-то выскочил на окраину и внезапно оказался в каком-то длинном тоннеле, какого тут отродясь никогда не было! Уж кому бы не знать все окрестные улочки и переулочки!

Из тоннеля выехал в поле...

Когда доехали к ближайшим домикам и спросили у местных, оказалось, что попали в какой-то военный городок.

— Сколько живу, первый раз о таком слышу! — до глубины души поразился Витька. — Как мы тут очутились, ума не приложу!

Первый пассажир, видя такой шоферский конфуз, почему-то не разозлился, не стал кричать, ругаться, а спросил:

— Это что, твой первый выезд?

— Ага, — понурившись, сознался Витька Шишков.

— Тогда сам выпутывайся, — дядечка откинулся на пружинном диване, — а я подремлю. Все равно уже опоздал...

Шишков не ожидал такой милостивой реакции пассажира.

«Слава богу, что все обошлось без скандала!» — причитал он, с трудом выворачивая тугой руль.

Развернулся, снова нырнул в тоннель...

На выезде его остановил военный патруль. Шишков стал им объяснять, что местный таксист, что первый раз в жизни выехал, что нечаянно заблудился, что сам из армии только месяц назад дембельнулся и про запретные зоны все понимает...

Офицер устало махнул рукой — проезжай скорее!

— Это они тебя испугались, — сказал пассажир. — Так бы ни за что не отпустили.

— Меня испугались? — не поверил Шишков.

— А как же, — уверенно кивнул дядечка. — Они обязаны стоять на развороте, который мы с тобой промахнули.

— Если б они стояли, я бы не промахнул! — Витька сразу же вспомнил, что на разъезде обычно стоит военный пост, перекрывая дорогу прямо. — Там все сворачивают!

— Что-то у них случилось, — сочувственно вздохнул дядечка.

— А я из-за этого так облажался, — неожиданно всхлипнул Шишков и сам испугался такой слезливости. — Но вы не беспокойтесь, я вас обязательно довезу. Без всяких денег!

Он только тут вспомнил о беспрерывно стучащем счетчике — и выключил его.

— Как говорила моя мама, не суетись под клиентом, — хохотнул дядечка. — Я в парк телегу не напишу. Меня не бойся. А счетчик ты все-таки включи. Если менты нас остановят, вот тогда тебе холку здорово намнут. Это уж точно! И с работы могут уволить. Для государства самое страшное, если ты будешь возить без счетчика. Нечем тебя контролировать, не за что ухватить. Да тебе, наверное, отец и сам все хорошенько объяснил?

— Да, — похвастался Витька. — Он у меня человек серьезный! Начальник колонны!

— Тогда, браток, тебе везде зеленый свет! Ты просто обязан стать генералом! По своей шоферской части, — рассмеялся дядька.

Оказавшись в знакомой местности, Шишков моментально сориентировался и все понял, разобрался, куда баранку крутить. А когда доехали, добрый дядечка, вылезая, протянул Виктору сиреневый четвертной:

— Поздравляю! Это тебе мой подарок. От первого пассажира.

— Спасибо. — Витька посмотрел на счетчик: там было одиннадцать рублей тридцать восемь копеек. И он почему-то с грустью подумал: «У меня будет счастливая шоферская судьба! Такой пассажир!»

— Когда-нибудь свидимся! Мы друг другу пригодимся. — Улыбающийся дядечка пома- хал рукой.

С тех пор Шишкову за баранкой чаще всего везло.

Другой бы на его месте, — допустим, в гололед на спуске... А Шишков!.. Тьфу, тьфу, тьфу, чтоб не сглазить.

Но и за счастьем тоже надо следить, ухаживать, чтоб оно не отвернулось. Если постоянно будешь лезть на рожон, то и получишь... Если сам не будешь искать клиентов, то и план не выполнишь.

Вот и сейчас. Никакое счастье тебе не поможет в середине дня, когда никто никуда не торопится. Обед...

— Такси! — закричал кто-то невидимый.

Шишков в правом зеркале увидел бегущего за машиной человека и затормозил.

— Сколько натикает до лысого? — будущий пассажир плюхнулся в машину. — Летим стрелой!

Судя по запаху, это был опасный клиент. В смысле денег.

— Стольник, — объявил Шишков металлическим голосом, — но бабки вперед!

— Тут частники двадцатник берут, — вытаращил глаза пьяный. — А ты, шкура, стольник хочешь? Заводи шарабан!

— Ты что орал на улице? Ты частника звал?

— Хорошо. Уговорил. Стольник так стольник. Поехали. Мне срочно надо. Опаздываю на стрелку.

— Без денег я тебя, может быть, и довезу, — сурово произнес Шишков, — но из машины ни за что не выпущу. Ты меня понял? Ни под паспорт, ни под телефон.

— Секу с первого раза, — обрадовался долговязый и безропотно полез из машины. — Облом так облом... Такси! — заорал он кому-то другому.

Виктор включил рацию:

— Второй на связи! Варя, передай своему, тут на Студенческой пьяный жулик лоха ловит.

— Все слышали, — отозвался хриплый мужской голос. — А Федька клиентов в столицу повез.

— Повезло, — кто-то злорадно хихикнул и добавил: — Хотя не известно, кто кого...

— Вернется, расскажет, — подытожила радиодискуссию Варя. — Дядя Витя, у тебя как?

— Голяк, — печально отозвался Шишков, воображая, как бы он здорово обернулся, если б ему обломился такой замечательный столичный заказ. В Москву выгодно мотаться. Длинный конец — раз, во-вторых, в Москве клиентов больше, можно и там кое-что оторвать. Город большой, за всем не уследишь, поэтому там не так строго насчет рабочих зон. Разве что вокзалы да аэропорты... А в-третьих, обратного пассажира можно найти. Надо только места знать. Ну ничего... Фортуне не прикажешь. Пусть и молодежь немножко попользуется.

Страшно сказать, но сорокалетний Шишков считал себя довольно-таки пожилым человеком. Естественно, большой профессиональный и просто житейский опыт... Естественно, как говорится, «мидл-лайф кризис». Тут ничего стыдного нет — на каждого мужика в сорок лет грусть накатывает. Но вот еще что! На шишковском веку сменились эпохи! Он, как допотопный мамонт, помнит еще те времена! Когда рассказывает молодым, как простые граждане

косяками носились по улицам в поисках такси, как и сколько платили... И переплачивали! Как уважали таксистов! Даже народные артисты бесплатно выступали в клубе! А как милиция защищала! Всегда прав таксист! А как милиция частников наказывала за провоз посторонних... Остановят машину, водителя выведут — и проверяют! Знает ли он по именам тех, кто в салоне? А пассажиры знают ли фамилию жены водителя? По паспортам сверяли!

Не верят молодые! Смеются, как сказкам или анекдотам. Но не верят. Да и сам уже, вспоминая, не всему могу поверить. Например, как шоферов принудительно в санаторий отправляли. Диспансеризацию не прошел — будь любезен на лечение и профилактику!

— Второй, Второй! Ответ диспетчеру. — Снова голос Варьки.

— Слушаю и записываю, — включился Шишков.

— Не записывай, а на ус мотай.

— Варька, не засоряй эфир!

— Я же серьезно. Звонила Наталья, просила перезвонить.

— На то телефоны есть! А не служебная связь!

— Говорит, что уже два часа не может дозвониться.

— Отбой!

Вытащил сотовый — так и есть! Отключен... Как оно так получается, что сотовый телефон всегда, когда нужно, оказывается отключенным? Может, кнопка какая за что-то задевает?... Потрясти? Авось заработает... Ну точно, заработал. Все у нас так...

— Наташ... Алло... Наташ, честное слово, я же не нарочно. Оно само так получается. Ну не знаю как. Ты чего звонила?

Молодая да еще такая симпатичная жена доставляет много хлопот. То ей хочется на турецкий курорт, то она собралась с подружками в Грецию за шубой. Чтоб все как у людей. То вдруг решила мужу дорогую дубленку купить! Тоже, между прочим, горькая напасть... Шишков привык быть в постоянной готовности к ударам судьбы.

— Милый, как дела? — зловеще проговорила Наташка. Уж он-то давно научился разбираться в тоне собственной жены...

— Все нормально, лапуль... — индифферентно проговорил Шишков.

— Ты не забыл про день рождения твоей собственной матери? Уж на этот-то раз тебе никак не удастся обойтись телефонными поздравлениями. Придется заехать. Так и запиши — завтра вечер отдаю мамочке! И последнее! Не забыл, что мы сегодня новый шарабан покупаем? До Ковальского я как-нибудь и сама доберусь. Как сиротиночка... На частнике, — зловредно уточнила супруга, — а ты подваливай часикам к четырем. Но только так, чтобы смена у тебя окончилась! Чтобы потом сразу домой! Вместе поедем! И никаких возражений!

— Только уточнение! — в тон жене притворным, сахарным голосом заговорил Шишков. — В нашем деле самое горячее время, как ты, милая моя, и сама хорошо знаешь, вечер. С пяти до...

— До утра, — тихо подсказала жена.

— Так что лучше будет, если я после Ковальского отвезу тебя домой, а сам вернусь на рейс. Идет?

— Как скажешь, любимый. Ты сам решишь, что и для чего лучше. Только... одна поправка. На завтра никаких изменений! Потому что всякий раз так получается, что именно на мамин день рождения ты отправляешься на смену. Это уже всем кажется странным. Она не зря обижается. Конечно, тебе маму не жалко... Хотя... Она старается, готовит... А ты, как всегда, прискочишь, букет бросишь, на ходу куски похватишь — и поминай, как звали!

— А что делать? Такая у нас работа! И моей матери муж так же...

— Вот ты чего добиваешься? Ну... Как скажешь, любимый мой. Хотя я была бы очень рада, если бы ты не для меня, а для своей собственной матери пожертвовал бы двумя часами

своей драгоценной работы! Ты в своем эгоизме забываешь, что она уже очень пожилой человек. И ей так важно твое внимание... Особенно теперь... Без отца.

— Ну повело! Ты что, не понимаешь, что мы разговариваем по сотовому? Каждая секунда денег стоит! Короче, Склифосовский! В девять буду у матери. В десять я тебя повезу домой. Целую, любимая моя!

— Шишок, я тебя обожаю! Обедать приедешь?

— Ты нарочно издеваешься? Сама только что про Ковальского говорила... По-твоему, я на смене могу только личными делами заниматься?

— Бедненький, так ты что, будешь голодать? Давай я тебя закажу, ты приедешь, поешь, а потом обратно... Я тебе за вызов заплачу.

— Что такое — поешь, а потом обратно?

— Не болтай попусту по сотовому телефону. Жду, люблю! И неразборчивая подпись — твоя Наташка!

— Балаболка! Целую тебя, родная моя, — расчувствовался Шишков.

Много лет тому назад, вернувшись из армии, Виктор, как и положено настоящему мужчине, устроился на работу и вскоре женился на хорошей и доброй девушке, дочери одного отцовского товарища. Прожили они лет пять, кажется, или шесть. Квартиру двухкомнатную получили в пятиэтажке. Естественно, родители помогли. И на очередь поставили, и продвинули как молодых рабочих специалистов. Живи, как говорится, и радуйся. Но, увы, не сложилось. И причина вовсе не трагическая и не какая-нибудь редкая. А очень даже смешная. Когда другие про себя так говорят, обхохочешься. А вот у самого себя...

Не сошлись характерами!

Виктор старался изо всех сил. Жена, бедняжка, тоже старалась как могла. Молчали целыми днями и ночами, чтоб друг друга не обижать. Потому что любое слово — обида! Что она ни скажет, что ни приготовит — ну как серпом по яйцам! Вроде бы ничего особенного, а так всегда получается. Мучились, мучились... Да и развелись. А когда развелись, естественно, подружились. С удовольствием друг к другу в гости ходили. Сами смеялись, когда рассказывали друзьям о собственных бывших мучениях. Такая вот банальная история. А сердце до сих пор щемит... Жалко ее. Она так и осталась одинокой. Так и не смогла замуж выйти. Знакомые парни ее сторонились. Да и сейчас не очень-то к ней люди тянутся. Живет тоскливо. Сама себя боится. И стыдится.

А чем помочь?

— К доктору надо, — сквозь зубы процедил Шишков.

Сам он исправил свое семейное положение вовсе не у доктора. Пару лет ходил в холостяках, изрядно утомился от свободы и неприкаянности. Родителей утомил. А тут как раз и...

Почти каждое лето во время таксистского затишья Виктор с отцом строили домик на дачном участке. Здорово так было! Сами все придумали, сами все сделали. По книжкам. Даже соседи учиться приходили! Ну и им помогали как могли. Тогда весь поселок был как одно дачное братство. Да и сейчас там так же. Все свои, таксисты. А тогда!.. Так радовались участкам!

Все обустроивались помаленьку. Кто во что горазд. По собственным возможностям, способностям и разумению. Многие тогда еще жили в палатках. И Наташкины родители тоже. Была у них пижонская такая желтая палатка с металлическими кольшками и противокмаринной сеткой. Ночью они в палатке зажигали фонарик — казалось очень уютно! Зачем еще какой-то домик громоздить?

Но крыша над головой — это не палатка. По вечерам соседи часто приходили к Шишковым. Поболтать, радио послушать, пивка попить. С ними приходила их дочка, Наташка. Такая была конопатая, неказистая девчонка. Сидит где-нибудь в сторонке и улыбается. Как какая-нибудь... Джоконда.

И вдруг как-то в самом начале лета... Ни с того ни с сего вдруг заявляет Виктору:

— А мне этой зимой исполнилось шестнадцать лет.

— Поздравляю, — говорит Виктор. — Извини, не знал, подарка не приготовил. А давай вечером устроим тебе праздник? Ты гостей пригласишь, мы на веранде стол накроем, костер во дворе закатим!

Вот тут-то и пропал старый холостяк Виктор Шишков. С этого все и началось. Веселый получился вечерок, ничего не скажешь. Сначала Наташка хотела устроить праздник вдвоем — только она и Виктор!

Как-то удалось образумить девчонку, позвали родителей. Но Наташка не унималась. Ее смущенные родители сидели потупившись. Видать, догадывались, в чем дело. А Шишковы — ну прямо святая простота!

— Я с самого детства без памяти люблю вашего сына, — заявила девица. — Чуть от горя не умерла, когда он женился...

— Я тоже так переживала, — согласно кивает мама Виктора.

— Хорошо, что они расстались без обид, — говорит отец. — Плохо, конечно, что так получилось, но хорошо, что так...

Совсем запутался Иван Никитич и стушевался.

— Это я наколдовала, чтоб так получилось, — серьезно говорит Наташка. — Я добрая разлучница.

— Разве бывают добрые разлучницы? — удивляется мама.

— Да, тетя Валя! Еще как бывают! Вот она! Перед вами! Это я!

— Уймись, Тотошка. — Наташкин папа тянет ее к себе. — Перестань. Ну посмеялись, и хватит.

— Почему — хватит? Вот Татьяна Ларина своего не добила, и от этого все оказались несчастными. Вы этого желаете собственным детям?

— Стоп, стоп, стоп! — вдруг спохватывается Виктор. — Мне кажется, тут кто-то обо мне что-то говорит?.. При чем тут дети? Это кто тут дети?

— Да, любимый. — Наташка так и тянется к нему. — Это мы! Родительские дети. Они хотят нас видеть счастливыми. И увидят. Обоих! Мы будем вместе!

— Ну это еще рановато, — отстранился Виктор. — Я, конечно, понимаю... Современные влияния... Эмансипация, как говорится, акселерация... Летом у Наташки ровесников на даче нету... Всякие там юношеские мечтания... Но чтобы так!.. Да ты что придумала?

— Сейчас доложу, любимый! Мы сделаем так!

— Чего? — взревел Виктор, поднимаясь из-за стола.

— Не волнуйся. — Наташка усадила его на место. — Это нужно знать всем. Значит, так! Наша помолвка прошла замечательно! Мы с Виктором объявляем себя женихом и невестой!

— Какая такая невеста? — поразилась будущая теща. — Тебе еще школу закончить надо!

— Успею! Я же не сегодня замуж выхожу. У вас будет время привыкнуть к этой мысли. Ровно год! Школу закончу — и замуж!

— К чему такая спешка? — Папа Шишков, видать, время мерил более крупными категориями. Или не догонял последних фраз. — Зачем торопиться? Ты такая красивая, такая молодая девушка! За этот год ты еще встретишь молодого человека, влюбишься...

Но не тут-то было.

Виктор в тот же вечер смылся от греха подальше. Полгода он прятался от своей самозванной невесты. Разговаривал с ее родителями... Ничто не помогало.

— Ее надо сексопсихиатру показать! — как-то вечером за ужином решил Шишков Иван Никитич. — У девушек в период созревания бывают всякие закидоны.

— Это у вас, у стариков, закидоны. — Мама Виктора, кажется, обиделась за весь женский пол. И мстительно отодвинула от мужа вазочку с зефиром.

— Да, Валечка, и по возрасту тоже, — нахмурился отец, — опять-таки выходит бяка...

— Какая тебе бяка? Сам на школьниц глаза пялит, а сыну... В самый раз! С ровесницей он никак не ужился. А я тебя, дурака, на десять лет моложе. И живу!

— Она, выходит, на сколько лет младше нашего оболтуса?

— Это вы про меня? — Виктор поставил чашку. — На двенадцать.

— Да их и в загсе-то небось не распишут? — еще больше нахмурился отец.

— А мне она нравится, — первой призналась Валентина Владимировна. — Хорошая такая, прямодушная. Дурная баба то же самое делает. Только исподтишка. А наша — честно!

— Она уже ваша? — От изумления Виктор даже поперхнулся.

Родители переглянулись...

К Новому году и Виктор перестал изумляться.

Наташка регулярно являлась в таксопарк. Приносила ему какие-то бутерброды, пирожные. И на «Новогодний огонек» пришла. Были тогда такие мероприятия по линии профкома. Это ей не стоило особого труда. Ее папочка и был профоргом таксопарка. Она у него в кабинете пригласительный стащила.

Ни с кем, кроме себя самой, Наташка танцевать Виктору не позволила. То сама с ним пляшет, то в буфет потащит, то в курилку. Сама, естественно, не курит, но все равно рядом стоит. Товарищи, глядя на такое ее ревностное старание, снисходительно посмеивались над ними. Потом, уже на свадьбе, оправдывались и говорили, что, мол, восхищались влюбленной парой и Виктору завидовали по-настоящему.

Как и следовало ожидать, мало-помалу Виктор действительно влюбился. Втюрился, втрескался, как школьник!

Прошел только год — а Наташка превратилась в самую настоящую красавицу! Глаз не оторвать! На улице ей вслед оборачивались все мужики! Все до одного!

И свадьба, как и было спланировано Наташкой, состоялась в начале лета. Виктор был безумно счастлив.

— Кто бы мог подумать, — смущенно говорил он товарищам, возвратившись из «свадебного отпуска», — что в простой семейной жизни могут быть такие замечательные... штуки?

— Лиха беда начало! — ржали товарищи.

У Виктора Шишкова медовым оказался не месяц, а почти десять лет.

Только в последние годы, когда так осложнились дела в таксопарке, когда приходится не только отрабатывать водительские смены, но и в выходные дни заниматься бумагами, договорами, подрядами, графиками, налогами, отчислениями... Да еще с крышами разбираться, с пожарными, с санэпидстанцией... С электрикой. А надо бы и новый водосток строить. А то мойку закроют...

Тучи дел навалились и затягивали в трясины, уводили от жены... От матери... Когда отец заболел, еле-еле смог вырваться, чтоб привезти его с дачи в больницу. До последних дней Иван Никитич ковырялся на грядках, достраивал, перестраивал дачку. Так и упал... Хорошо, соседи увидели, подняли, отнесли в дом, ухаживали до приезда Виктора. А отец, когда сына увидел, поднялся с постели, стал редиску собирать, еще там что-то такое на огороде.

— Домой отвезу, — шепчет.

Потом только узнали, что у него был инфаркт.

Виктор закрыл дом, попрощался с соседями, повернулся, а отец уже в кабине:

— Не гони меня... Посиди рядом. В случае чего... Может, в последний раз за баранкой.

— Не раскисай, — недовольно буркнул Виктор, а у самого аж сердце похолодело.

Никогда он не видел отца таким старым, таким седым и слабым...

— Вы свободны? — В кабину заглянул молодой человек из новых и ранних. Самое простое, что было на нем, это золотой перстень со сверкающим изумрудом. — Мне бы на Обнорского. К Дому торговли.

Не дожидаясь ответа, он уже расположился на заднем сиденье.

— Вас устроит почасовая оплата? — повернулся к нему Виктор. — Сто рублей в час. Но можно и по километражу.

— Я вижу, у вас цивилизация! Договорные условия, никакого диктата, никакого счетчика. Это радует. Но хочу предложить вам свои условия. Не возражаете?

— Отнюдь, — настороженно кивнул Виктор. — Валяйте свои условия.

— Даю столярник, — пассажир протянул сто долларов, — и до десяти вечера ты работаешь на меня. Идет? Сейчас три часа дня. За семь часов сто баксов. Хорошие деньги, между прочим.

— Согласен, — обреченно вздохнул Шишков, но денег не взял.

— Бери! — Пассажир ждал, что водитель сам дотянется к нему.

— Сперва доедем, а там разберемся. Как говорил мой отец, не зная броду, не суйся в воду! — засмеялся Шишков, заводя двигатель.

— Мудро! — согласился пассажир. — Но деньги возьми. Все равно это тебе. За проезд. Рублей-то не держим...

Он беспечно перебросил банкноту через спинку переднего сиденья. Виктор подобрал и, чтобы не унесло сквозняком, положил под магнит на «торпедо».

— А я вот суюсь, не зная брода, — тоскливо проговорил пассажир. — Неделю назад нанял холуя. Дал ему настоящую машину. Серебряный «мерин». Шестисотый. Чтоб всегда рядом был. А он...

— Разбил?

— Нет. Ходит падла в грязных ботинках. У него от ног такой духан стоит! Я думаю, придется машину менять. Не иначе. Сегодня утром я его отправил домой — ноги мыть. И туфли новые купить. Пока на такси поезжу. Ничего, я потом у него из зарплаты вычту. Все проездные... И если машину придется менять, то и разницу в цене. А почему, собственно говоря, я из-за его вонючих носков должен терять тысячи баксов?

— Где же вы нашли такого дремучего? У нас что, кончились профессиональные водители? Только свистнуть, набегут сотни!

— Ничего подобного, не согласился пассажир, — Хорошие водители давно все разобраны. И никто хорошего водителя просто так не отдаст. Лучше доплатить и себе оставить. А если уж приспичило, то передают близким и друзьям. Как и любого другого хорошего мастера...

— Так откуда же этот вонючий приبلудился?

— Брат одной девки. Попросила...

— А он, получается, на большие бабки попал? Я, наверное, не первый вас сегодня вожу?

— Да нет, — как-то скис пассажир, — бабки-то небольшие. И штуки еще не набралось. Да только он и этого-то вернуть не сможет. Чтобы с него баксики снять, я ему должен заплатить. Эти же самые бабки. Видишь, дурь какая! Он мне машину обгадил, заставил меня, как лоха деревенского, тачку на дороге ловить, а я ему, выходит, должен денег насовать, чтоб с него эти же деньги и снять?

— Да... Тухловато получается...

— А ты давно за рулем?

— Всю жизнь.

— Любишь это дело?

— Ага.

— Мне как раз такой и нужен! Вот тебе моя карточка, — парень бросил на переднее сиденье визитку, — как надумаешь, звони. Условия простые — плачу штуку в месяц. И чтобы у меня не было проблем. Машина чистая, все работает, крутится, катится. В любую сторону моей души!

— Заметано! Вот только найду покупателя на свой таксопарк, освобожусь... И позвоню.

— Да ты чего! — не поверил парень. — Зачем горбатого лепишь?

— Без дураков! — Виктор даже перекрестился для наглядности. — Имею солидную долю собственности в таксопарке.

— И сам за баранкой? Дела не идут?

— Нормально... Расширяемся. — Виктор включил рацию: — Второй на связи! Диспетчер, сколько машин на линии?

— С утра было двадцать, — сонно ответила Варя.

— А сейчас? — строго прикрикнул Виктор. — Что это еще за шуточки?

— Извините... Виктор Иванович. — Варя встряхнулась. — Извините. Дурацкая шутка получилась. Сегодня шестнадцать машин. Из них десять иномарок. Три «Волги» в готовности. Две «десятки» в ремонте. Остальные отдыхают.

— Шуточки свои брось! — сердится Виктор. — Накаркаешь... Отзовитесь все, кто на линии! А ты, Варя, считай и отмечай. Мало ли что...

— Всем, кто на линии! — звонко объявила Варя. — Срочно отзовитесь Второму! Все отзовитесь Второму!

— Сорок второй, — прохрипела рация. — Двадцать пятый, Семнадцатый, Пятый, Восьмой, Тридцать второй...

— Ну ты, братан, даешь! — Парень от восхищения развел руками. — Скажи, сколько ты хочешь?

— За весь парк или за свою долю?

— Ну, парк я, наверное, не потяну... Я насчет работы. Ты ко мне водилой пойдешь?

— Подумаю. Приехали. Тут куда швартоваться?

— Я тут и выйду. Долго не думай. У меня не получится долго ждать. Давай забьем стрелку на завтра? Утречком, часиков в семь? Подъезжай ко мне в коттедж... Там написано. Это недалеко, километров десять.

Виктор достал из-под магнита доллары.

— Это же тебе, — отмахнулся парень. — Я так сказал. Чао! Жду завтра утром.

— Дело хозяйское.

Шишков с тоской оглядел очередь желтых такси на противоположной стороне улицы. И был совершенно уверен, что оттуда из каждой машины на него смотрят, мягко говоря, без особой душевной симпатии. Чужая рабочая зона... У Дома торговли чужим ловить клиентов небезопасно.

— Второй! — включилась Варя. — Отзовись диспетчеру!

— На связи. — Шишков медленно разворачивался через двойную разделительную.

Таксисты в очереди оценили такой поступок. Через лобовое стекло видно, что кто-то даже закурил, расслабившись.

— Все отозвались, — доложила Варя, — кроме Федора. Но он далеко, мощности рации не хватает.

— Значит, в столице косит, — решил Шишков. — И слава богу!

Чужая территория заканчивается на той стороне завода.

Самая короткая дорога восвоится — через пустырь за заводом. Но там на грунтовке и гвоздь можно поймать, грязно там, колдобины. Виктор решил деликатно покинуть чужую вотчину по чистому проспекту.

— Они же меня видели, — пробурчал он. — Никого не трогаю...

Но метров через пятьсот его подрезал джип «тойота». Из него вылез широкоплечий Антон Трофимов, местный авторитет.

— Такси! — Он картинно выбросил руку вперед.

Шишков остановился, изнутри предупредительно открыл дверцу:

— Садись, Антон, говори, чего надо.

— Да ничего, все у нас есть. А если и нет чего-то, то прикупим. Заплатим, не скупясь!

— Так постоим или покатаемся?

— Покатаемся. В твою сторону. Гони в стойло!

— Заметано! — Виктор объехал джип и направился вперед по проспекту. — Как у брата дела? — спокойно спросил он, в уме высчитывая все возможные неприятности от визита Трофима в родной таксопарк.

— Нормалек! — Трофим закурил дорогую сигару. — Может себе позволить кое-что. И более того.

— Рад за него.

— Ты и за себя будешь рад. Подожди немного, — зловеще проговорил Трофим, уронив пепел себе на колени. — Не век же тебе баранку вертеть! Солидный мужик... Пора свое дело иметь. А мы тебе поможем, поддержим. Научим, если сам чего не знаешь.

— Чего это я не знаю? — насторожился Шишков.

— Современных веяний в экономике. Теперь, оказывается, нужно держать линию на укрупнение предприятий.

— Как это?

— Ну... Вот ты, например, заехал сегодня на чужую рабочую зону, отбил хлеб у моих людей. У них и так горькая корка, а ты... Ты вынудил меня заниматься тобой. Оторвал от других, более важных дел. И я пошел... Потому что мне платят именно за это. Моя горькая корка в том и состоит, что я охраняю своих людей. На их маленькой рабочей зоне.

— Клиента со своей зоны доvez. Ты же сам видел. Никогда такого не было, Трофим, и не будет у таксистов, чтобы и отвезти на чужую зону нельзя было. Ты что-то недоговариваешь. При чем тут укрупнение предприятий?

— Догадливый, — засмеялся Трофим, — верно, деньгами мы потом займемся. Не за этим я тебя догонял, бензин жег.

Образовалась мрачная пауза. На улице под синим небом лужи весело сверкают, солнышко греет. А тут... в кабине будто черные грозовые тучи сгущаются.

— Не томи уж, говори.

— Во первых строках хочу поздравить тебя, Шишок. Не каждому в жизни выпадает такая удача — стать хозяином таксопарка. Хоть и на чуть-чуть.

— Только что жалел, что баранку кручу, а тут...

— Жизнь полна парадоксов. Старый Штирлиц, конечно, долго не протянет. Возраст не тот у Вячеслава Карповича, вес не тот... Да и опереться ему не на кого. Не то что ты! Ты на нас можешь спокойно опереться. А там... Сегодня ты один из многих... У вас в таксопарке по сколько на душу населения?.. По ноль два процента получается? Огромная, завидная доля, не спорю, — издевательски чмокнул губами Трофим. — Но с нашей помощью у тебя совсем скоро, хоть через пару недель, тихо и незаметно будет пять! Десять процентов! Люди сами тебе принесут. Еще и попросят, чтобы ты взял. Обещаю!

— За большие деньги, как говорила мама одного моего пассажира, люди хотят получить большие услуги. Что ждем?

— Душу твою! — заржал наглый Трофимов. — Чего ты хмуришься? Не надо все так мрачно! Жизнь прекрасна и до краев наполнена удовольствиями. Бери и глотай! Ты нам — мы тебе! Вечный закон жизни. Разве не так?

— Вот я и хочу узнать, чего ты от меня хочешь? Ты ведь неспроста ко мне сел?

— Ясный пень!

— А жилы тянешь, как... пионерка на панели.

— Лучше ты скажи, чего хочешь.

— Да я многого хочу. Счастья, здоровья, удачи. Как все психически здоровые граждане...

— А конкретно?

— Ну... Ты Ковальского знаешь?

— Бориса? Еще как! Замочить его хочешь? Без проблем! И недорого. Я к нему одного пацанчика саратовского подошлю. Он его не знает.

— Опасный ты человек, Антон Трофимов. — Виктор весело подмигнул.

— Но очень полезный! Как витамин! Ты меня только с одной стороны знаешь, а у меня их несколько. Одна другой лучше.

— Не сомневаюсь! Но... Пусть Ковальский живет. И радуется удовольствиям жизни. А ты бы, как настоящий друг и товарищ, помог мне уговорить Бориса на сущую пустяковину!

— Только не про деньги! За копейку Борька удавится. А за цент любого и сам удавит.

— Ну, в общем-то, ты угадал. Хотя и не совсем про деньги. Он хочет мне свою потасканную машину сбавить. А денег просит ну-у... уж очень до хрена. Я вроде бы и привык к мысли, что надо ему заплатить, но такую громадную сумму даже вообразить трудно.

— Сколько?

— Нужно уговорить штуку скинуть. Если получится больше, то свободные бабки пополам. Идет?

— Нашел дурака. Лучше я его замочу и всю машину сам тебе продам. По полной цене.

— Ты все шутишь...

— А кто на такие темы будет серьезно разговаривать с Ковальским?

— Ну ладно, проехали. Следующая станция... Какая станция?

— Гони, говорю, в стойло. У меня в вашем парке дельце маленькое, но важное...

Шишков с начала разговора вроде бы догадывался, что одним из вариантов главной заявки во всей этой процедуре является доставка Трофима в его, Шишкова, машине. Если бы он на своей поехал, его бы издали заметили, по рации передали бы, а в парке успели бы подготовиться к встрече...

Что-то там серьезное случилось. Не зря Трофим хочет незаметно проскользнуть. Да и один ли он таким образом сейчас направляется в парк? Что они задумали?

— Не чеши мозги, — улыбнулся Трофим, выбрасывая недокуренную сигару в окно. — Все просто! В недалеком будущем никто не будет платить никаких штрафов за нарушение рабочих зон. Потому что не будет этих самых рабочих зон. Будет одна большая... И все! Укрупнение! Если ты с нами, будешь удовольствия грести ложкой. А кто не с нами, как говорят святые угодники, тот против нас! Пеняй на себя...

— Очень серьезно. Надо обмозговать все хорошенько. Просчитать. Чтоб в интересах не потерять. Дело-то большое... Дня через два я мог бы ответить, а так на бегу... Будем считать, что наша первая дипломатическая встреча окончилась успешно.

— Еще не кончилась.

Шишков был тертый калач. У него и на такие случаи была в машине заготовочка. Небольшой клапан, нужно только кнопочку заветную нажать... И тут же бензин кончается. Лампочка мигает самым натуральным образом. Минут через пять движок обязательно остановится. Старинное изобретение. Но, увы, полезное и сейчас.

— Антон, если ты не спешишь, я на заправку заскочу? — невинным тоном спросил Виктор.

— Хочешь своих предупредить? — подняв брови, спросил Трофим.

Шишков молча показал на мигающую лампочку.

— Давай, — пожал плечами Трофим. — Мне без разницы. Только телефон оставь. И рацию отключи. Если все по-честному, по-хорошему.

До ближайшей заправки было километра два.

А там... Что-нибудь можно придумать!

— Бог не выдаст, свинья не съест, — решил Шишков.

— Это ты про кого?

— Отчие наставления.

— Свинья все съест, — покачал головой Трофим, — уж я-то знаю. У нас в деревне одна свиноматка младенца в поле сожрала. Естественно! Следовательно приезжал, все проверяли. Вскрыли эту свинью... Точно.

— Ужас-то какой!

— Грубая правда жизни. Кондовая, посконная... Деревенская. Наша! Никто тебя не накормит, если сам не возьмешь. Из города только брать приезжают. Как феодалы натуральные. Всегда так было. Значит, закон природы.

Шишков заехал на заправку, остановился возле колонки. Демонстративно вытащил сотовый, положил на «торпеду».

Трофим так же демонстративно положил на «торпеду» микрофон рации с оторванным проводом.

— Нехорошо это, — буркнул Виктор, вылезая из машины.

Сердце его больно сжималось от самых страшных предчувствий.

По пути к окошку кассы Виктор не выдержал — обернулся...

Трофима в кабине машины не было!

Глава 2

Сам бы я за это дело не взялся. Но, поскольку я состою на государственной службе, на жалованье, время от времени приходится, не считаясь с собственными предпочтениями, заниматься подобными поручениями. И деньги с них небольшие, и удовольствие сомнительное... Раньше некоторым утешением в подобных ситуациях служило для меня то, что я как-никак набираюсь опыта. В моем же возрасте и с моей профессией смешно говорить о новом житейском опыте. Зачем бы он мне сдался?

Ругнувшись, я крутанул руль своего выдавшего вида «жигуля». Опять иномарка обгоняет... Куда он так спешит, на собственные похороны?

По профессии я, если кто не знает, адвокат. Гордеев моя фамилия. Работаю я в юрконсультации за номером 10, что находится в Москве, на Таганке, 34. Веду прием граждан с утра и до обеда... Работу свою я вообще-то люблю, но пестрая она, как лоскутное одеяло. То много интересных дел, прибыльных, а то все какая-то мелочь и мура. Иногда, знаете, клиенты обращаются, а иногда и нет... Хотя адвокат я хороший. Так люди говорят...

Сейчас в моей жизни, очевидно, наступил как раз такой период затишья. В данный момент я ехал спозаранку в Южное Бутово, чтобы устроить дела гражданки Рожкиной. Какой ерундой только не приходится заниматься хорошим специалистам, когда они состоят на государственной службе, не желая пускаться в свободное плавание по волнам частного предпринимательства!.. Муж, которого себе выбрала эта замечательная гражданка, изрядно ей надоел тем, что постоянно не просыхал. Она задумала развестись с ним, а заодно и разменяться. Совершенно естественное, я бы сказал, желание. Сложность тут была одна — гражданин Рожкин, поскольку никогда не просыхал, был практически недееспособен. Он не мог ни зайти с женой в паспортный стол, ни поставить подпись в бумагах. Жена утверждала, что трезвым его можно застать, разве если вломиться к нему в квартиру в семь утра. А так рано госучреждения не работают... А тут еще помимо этих проблем гражданин Рожкин решил заупрячиться и ни развода, ни размена жене не давать. «Будешь, — говорит, — жить где жила». Кроме того, он желал компенсации за беспокойство. Что делать? Пришлось мне самому, по просьбе гражданки Рожкиной, уламывать ее бесполезного мужа. С этой целью я должен был наведаться к ним в квартиру с утра, так как несколько назначенных в более приемлемое время встреч с Рожкиным не состоялись, хотя он и клятвенно обещал. Но что-то каждый раз ему мешало...

Сверясь с адресом, я припарковался у одной из высоток, похожей как две капли воды на все остальные высотки района. Белые и голубые коробочки. Ну кто так строит?! Не люблю я эти новые районы. Во-первых, не понимаю, как жители тут ориентируются. Во-вторых, какую-то тоску на меня подобные пейзажи нагоняют... Нет, я бы так жить не стал. Пейзажик угнетает больше, чем у Достоевского. День живешь, два живешь, а на третий уже так и хочется кого-нибудь топором промеж глаз тяпнуть или самому на осине удавиться, если найдешь, конечно, осину в таком микрорайоне...

Подъезд оказался замкнут, на двери висел новенький домофон. Вот еще одна новая московская мода. Толку в этих запорах... Разве что своих не пускать. А для того, кому надо проникнуть в дом, это не препятствие. Каждый дворовый мальчишка знает, как открыть магнитный замок.

Нужная мне тридцать девятая квартира не отзывалась. Я звонил и звонил. Нет ответа... Это уже настораживало... Надеюсь, Рожкин просто не может проснуться. Пришлось звонить к соседям.

— Кто там? — произнес противный женский голос.

— Откройте, пожалуйста, — начал я вежливо, — я к вашим соседям, в тридцать девятую...

— Вот туда и звоните, — отреагировала женщина сквозь хрип и сипение домофона и пропала.

Я позвонил в другую, проклиная людскую подозрительность.

— Кто?.. — На этот раз мужчина.

— Милиция!

— Я те щас покажу милицию! Повадились тут разные... Я всех милиционеров в районе знаю, я сам милиция! Вот я к тебе спущусь сейчас! — пригрозил он и отключился. Это уже нехорошо. А вдруг и впрямь выйдет? Я, конечно, понимаю, что в таких районах озвереешь от однообразия и скукоты, но мне-то надо было, несмотря ни на что, попасть внутрь!

На третий раз мне повезло — только я изготовился звонить, как дверь подъезда открылась и из дома вышел ребенок с ранцем на плече. Дверь он не захлопнул, — видимо, еще не научился по малолетству остерегаться всех и каждого... Я воспользовался этим обстоятельством, ловко просунув ботинок в зазор между дверью и косяком, и помешал двери закрыться.

Подъезд нужного мне дома выглядел вполне прилично. Побелку еще не успели изгадить, даже ряды почтовых ящиков выглядели более-менее презентабельно. Искомый алкоголик жил на втором этаже. Я долго звонил и стучал в деревянную дверь. Казалось, я перебудил весь подъезд, и все соседи настороженно прильнули к своим дверным глазкам... Наконец за дверью послышались шаркающие шаги, что-то упало, зазвенело, раздались невнятные, но весьма злобные ругательства. Дверь открылась, и на меня уставилась синюшная физиономия, заросшая трехдневной щетиной.

— Рожкин? — спросил я строго и официально.

— Ну я-то, допустим, Рожкин, — отозвалась физиономия. — А вот ты кто?

— Юрий Гордеев. Адвокат вашей жены. Мы с вами должны были встретиться.

— А... Здорово. Заходи, адвокат!..

Я зашел, опасливо озираясь. В квартире стоял душливый, кислый запах позавчерашних щей.

Хозяин проследовал на кухню, слышно было, как он там шумно пьет воду из-под крана.

— Выпить хошь? — осведомился он громко.

Я насторожился. В моих интересах было как раз никакой выпивки до подписания бумаг не допускать. Осторожно заглянув в комнату, я увидел там бардак и безобразие — скомканные газеты на полу и столе, тряпье на диване и кровати плюс какие-то не очухавшиеся еще со вчерашнего дня собутыльники. Сама жена Рожкина, приняв решение разводиться с мужем, съехала к родственникам, к матери кажется. Теперь Рожкин, видимо, всю наслаждался свободой.

— А... Может, мы сначала по делу? — предложил я, проходя в кухню, где Рожкин уже чем-то деловито звенел. Ну так я и думал — наполняет стопки. Одну стопку он сунул мне в руку — граненую, толстого стекла, неприятно липкую и грязную.

— Ну, — сказал он, — будем! — И потянулся чокнуться. Выпил, сморщившись, запустил пальцы в банку, где в мутном рассоле плавал последний огурец.

— Жена солила, — поделился он со мной с гордостью. — Кончились все... Ты жену мою знаешь?

Так, думаю. Приехали.

— Я адвокат Гордеев. Пришел. К вам. По делу. С поручением от вашей жены. Вы ей обещали заявление подписать.

— Да помню я, адвокат... Ты думаешь, я не понимаю ничего? А я все понимаю, — хитро прищурился Рожкин и покачал у меня перед лицом искривленным, заскорюзлым пальцем. — Только ты зря приехал. Шиш ей выйдет с маслом. А где она сама шляется-то?

Я почувствовал, что пора брать быка за рога, так как Рожкин, кажется, на одной стопке не собирался останавливаться.

— Я приехал специально договориться, на каких условиях вы согласились бы с нами сотрудничать. Я со своей стороны мог бы позаботиться о защите ваших интересов, несмотря на то что я адвокат вашей жены.

— Чего надо-то? — спросил Рожкин, жуя огурец.

— Мне необходима пока только ваша подпись под заявлением... И еще несколькими бумагами. Собственно, по установленному порядку вы сами должны были бы пройти в ЖЭК и так далее, но я, зная, как вы заняты, договорился за вас, и они согласились принять документы без вашего личного присутствия.

— Еще чего! — отреагировал Рожкин. — Никогда я бумаг не подписывал и не буду! Чего эта змея еще удумала? Чего ей не хватает? Сладкой жизни захотела? А без моего согласия, значит, никак? Так я ей своего согласия не даю. Я ей полный законный муж, и она от меня никуда-а не денется. Не ндравится ей, вишь... Как она со мной — так и я с ней.

— У вас с женой совместная собственность. Она хочет разменяться, чтобы у каждого было по квартире. И вам хорошо будет, никто не будет мешать...

— Еще чего. Никуда я отсюда не поеду. Мне и тут хорошо. А она где хочет, там пушай и живет. Вот вернется только — уж я ей покажу, где раки зимуют... вертихвостка. Я ради этой... паскуды и пальцем не пошевелю. Она меня кипятком обварила!

— В каком смысле? — спросил я, несколько обалдев.

— А так, схватила с плиты кастрюлю и плеснула в лицо, чуть глаза меня не лишила!..

— За что это она вас?

— А, я ее бить хотел... — пояснил Рожкин. — А что? Житейское дело... Нет, ты не думай, мы иногда и мирно жили... Ты чего не пьешь? — спросил он подозрительно. — Подпить меня хочешь?.. Я трех таких, как ты, перепью! Думаете, Степан ничего не видит, не понимает, его можно вокруг пальца обвести! А что мне, к примеру, за это будет, если я вдруг да соглашусь? А?.. Отпущу бабу свою и по-христиански — живи, мол...

Тут я понял, что формальности пора прекращать. Да и чего я хожу вокруг да около, как в первый раз, честное слово?

— За причиненное вам беспокойство мы готовы выплатить соответствующую компенсацию, — сказал я, значительно заглядывая ему в глаза.

Расчет оказался точен — в глазах Рожкина я заметил заинтересованность. Наверняка финансы его на исходе, а выпивать на что-то сегодня и завтра надо продолжать...

— Взятку не беру, — предупредил он, борясь с собой.

— Ну что вы, какая взятка. Вот если бы вы мне давали — вот это была бы взятка. Я при исполнении.

— Беру только займы, — сказал щепетильный Рожкин. После чего стал неистово торговаться. Я основательно опустошил собственный карман — в обмен на долгожданную подпись. Эх, было бы дело чуть серьезней, не миновать бы мне судебного разбирательства...

— Хорошо, — говорил Рожкин, пересчитывая послуненным пальцем бумажки. — Разве я не понимаю, что ж я, не человек... Вот и расстанемся по-хорошему, по-христиански, и пусть идет с миром... Вот эта бумажка почему рваная? Рванных мне не надо, у меня их в магазине не берут...

Наконец, произведя подсчет, Рожкин изготавился выполнить свою часть устного договора. Однако на том мытарства мои не кончились. Руки у Рожкина, что совершенно понятно, изрядно дрожали, так что мне пришлось заставить его сперва долго тренироваться на куске газеты. Время от времени он порывался еще выпить, но я хватал его за рукав, грозил отобрать деньги. Рожкин пыхтел, выводя закорючки, обрабатывал гонорар.

— Смотри-ка ты, как криво получается! — сам удивлялся он. — А ты думал! Посмотри на мои пальцы! — растопыривал пятерню. — Это рабочая рука, железная, стальная! Вишь, пальцы не гнутся! Это я на заводе работал, они у меня ручку тонюсенькую не держат...

— Давай, я плюстик поставлю, — щедро предложил он мне наконец. — И тебе легче, и мне...

— На плюстик пойти не могу, — строго сказал я. — Продолжайте...

Продолжили... Руки у меня чесались самому подделывать его подпись. Все равно потом не вспомнит... Хотя, может, и вспомнит. Все они любят для собственной пользы дурачками прикидываться, а на деле такие хитрованы...

Через какое-то время залихватская подпись была-таки поставлена Рожкиным на нескольких документах. Собрав драгоценные бумаги, я аккуратно упрятал их в папочку.

— Следовало бы накинуть, — заныл Рожкин, — я скоко с бумажками твоими провозился, такого уговору не было!

— Больше не дам!

— А вот я возьму да и скажу, что вы меня силком вынудили! — сказал, прикрывая один глаз, Рожкин.

— Не дам больше. Нет у меня.

— Да? Ну ладно... — сдался он. — А тогда за это дело — до дна! — безапелляционно заявил Рожкин.

— Я за рулем, — попытался я отмазаться. Во-первых, это было правдой, во-вторых, водку с утра я не могу.

В дверях кухни замаячили страшного вида проснувшиеся рожкинские собутыльники.

— Эт кто? — спросил один, длинноносый, хриплым со сна голосом.

— Адвокат, — с гордостью произнес Рожкин. — Не пьет совсем!

— Может, ты еврей? — угрожающе спросил второй, косматый.

Все трое подозрительно уставились на меня.

— Нехорошо так, — продолжал косматый, не по-христиански... Или ты иудей?

— Надо выпить... — поддакнул длинноносый.

Он злобно сверкнул полуоткрытым глазом. В мои планы не входило вступать в полемику. Поэтому я схватил липкую стопку и, зажмурившись, выпил, преодолев приступ тошноты. Водка последовательно обожгла язык, полость рта, глотку. Затем, чуть помедлив, нехотя проскользнула дальше...

Под не слишком одобрительными, но уже невраждебными взглядами братии я выбрался из кухни в коридор, а потом и из квартиры. На лестнице мне чуть не стало плохо, я долго и тягуче сплюнул и грустно побрел к машине. Как бы не отравиться, думал я, мучительно борясь с желанием очистить желудок. Наверняка они пьют страшную дрянь... Ладно, не будем думать об акцизных марках, о том, что именно разливают в эти бутылки, от этого только хуже...

Бросив с таким трудом добытую папку на соседнее сиденье, я достал из бардачка «Анти-полицай» и закинулся им на всякий случай. Потом завел машину и осторожно поехал. Ко всем моим расстройствам добавилось еще и то, что я спросонок забыл выключить в машине фары, и теперь неизвестно, насколько хватит моего аккумулятора...

Бывают такие дни, когда все наперекосяк — их с самого утра опознать можно. Полоса такая... К счастью, я не попал в дорожную аварию, столкнувшись с другой машиной — только этого мне для послужного списка не хватает! — но я так аккуратно шаркнул днищем по предательски торчащей из земли трубе... Выругавшись, вышел посмотреть на повреждения, на всякий случай выключив зажигание; а когда хотел поехать снова, оказалось, что машина не заводится. Ну вот не заводится, и все!

По этому поводу я предпринял несколько обычных действий: ругался, толкал ее сзади, просил помощи у других водителей... Поймав «Волгу» с сидевшей за рулем дамой, я уговорил ее меня дернуть. Привязывал трос еще, идиот... Дергала она меня несколько раз. Дотянула таким образом до угла. Ничего не помогало... (Скажу по секрету — теперь уже можно, — когда я спустя несколько дней выбрал-таки время заехать за починенной машиной, автомеха-

ники чуть животики не надорвали. Оказывается, у меня просто элементарно кончился бензин, я, дурак, забыл с утра заправиться... Все-таки алкоголь — это яд. Даже в небольших количествах.)

Ругаясь на чем свет стоит, я оттолкнул машину к оказавшейся, по счастью, рядом мастерской, договорился с двумя хмурыми мужиками о ремонте, распростился со своим «жигуленком» и пошел ловить тачку.

Что за гнусное место это Бутово, как можно жить там, куда метро еще не провели? Не все же тут с машинами...

На мое счастье, Рожкин часть захваченных мною из дому денег все же мне оставил, поэтому я мог позволить себе поймать такси.

Такси, как ни странно, подоспело почти мгновенно. Вот так не знаешь, за каким углом подстерегает тебя судьба... Таксист, усатый мужичок среднего возраста, включил счетчик, который сразу же принялся приятно и успокаивающе тикать, считая мои кровные денежки...

— На Таганку, шеф, — сказал я. Таксист согласно кивнул.

Мне показалось, что счетчик крутится что-то уж слишком быстро. Таксист, проследив за моим взглядом, подмигнул мне:

— Ничего, не бойтесь, у нас все по-честному. Мы люди деловые...

Я машинально покосился на удостоверение водителя, болтавшееся у меня перед носом. На нем был проставлен номер таксопарка.

— Приватизировать хотим, — поделился словоохотливый водитель. — Такие сейчас времена. Все заработать стараются, и все можно. Что ж сидеть-то? Когда ремесло в руках. Шуршать надо.

— А не боитесь? Приватизировать-то? Крыша есть у вас?

— Крыша? — помрачнел почему-то водитель. — М-да... крыша, говорите... — И на этом наглухо замолчал. Уж не обидел ли я его чем, подумал я. Кто их там знает... И чего я лезу не в свое дело всегда. Проклятый профессионализм — сразу хочется из людей всю подноготную добыть. Вопросы начинаешь задавать первому встречному, и все с подковыркой, а люди настораживаются...

Миновали мы отдаленные районы и уже начинали подъезжать к долгожданному центру. Я как раз радовался, что хоть одно дело провернул, но мне очень хотелось спать, и представить себе целый длинный рабочий день в учреждении было страшно... Ну не могу я рано вставать.

— А вы во сколько на работу встаете? — решил я поинтересоваться у водителя.

— А я еще и не ложился, — усмехнулся он. — Мы по сменам работаем... Вот я как раз домой хотел ехать... Счас вот вас отвезу — и к жене под крылышко...

Произошло это все внезапно. Мы стояли на светофоре, как вдруг к нашей машине подбежали два лица явно кавказской национальности и, рванув незапертую заднюю дверь, один из них полез в салон.

— Э-э! Занято! — удивленно заорал водитель.

— Занято нэ занято — выходи! — сказал второй, пытаюсь вытащить меня с переднего сиденья. — Гаварить будем! — устрашающе шевеля усами, предупредил второй, обращаясь к водителю. Мы от Саламбека. Пусть пассажир выйдет! Ми его нэ тронем.

Я поглядел на притихшего и напряженного водителя и вдруг совершенно озверел. Что это такое, в конце концов, долго можно надо мной издеваться?! Я вообще-то тихий, но есть предел моему терпению.

— Э, генацвале, — сказал я, отдирая толстые волосатые пальцы от своего воротника, — пусти, а то бо-бо будет.

— Что? Что ты сказал? — удивился тот.

— Щас я сам выйду, — пообещал я и выполнил свое обещание в полной мере. Оттолкнув кавказца (грузина, армянина, азербайджанца — черт их всех разберет, для меня все на одно

лицо), я вылез из машины, потянулся для разминки и изо всех сил засветил не ожидавшему нападения кавказцу ногой в челюсть. Даже сам удивился. Это меня надо здорово разозлить, чтобы я был способен на такие акробатические трюки.

— Сволочь! — крикнул тот и, добавив еще что-то, отлетел к стене дома.

Но этим я не ограничился. Я, честно говоря, был даже рад — я зол с утра, в плохом настроении, и раз уж подвернулся случай все это дело выплеснуть, упускать такое нельзя. Тем более когда начал...

Сначала я догнал первого кавказца и нанес ему еще несколько ударов: в челюсть, по шее и в промежность. Оставив его валяться и ругаться сквозь стоны на родном языке — интересно, какие именно он проклятия на меня насылает? — я вернулся к машине и выволок оттуда второго грузина, армянина либо азербайджанца. С ним было еще проще. Он, правда, не хотел отпускать горло водителя, а когда я отодрал его от водителя, он даже попытался неожиданно меня укусить. Я очень удивился, а потом дал ему изо всех сил по загривку и, когда он упал, еще пнул ногой. Не знаю, куда попал, не посмотрел. Обычно я этого не делаю — не бью лежащих, но тут разрешил себе. Слегка. Короче, выступил неожиданно и сверх программы в роли эдакого Рембо...

Я запрыгнул в машину, хлопнул дверью, не забыв запереть ее, и крикнул одуревшему водителю что-то удалое типа:

— Трогай! Шевели поршнями!..

Водитель рванул машину с места, и мы помчались по улицам города с максимальной дозволенной скоростью. В зеркальце я видел радостные глаза водителя.

— Ай спасибо! — сказал он, очухавшись и решив, видимо, после всего, что с нами было, перейти на «ты». — Браток, как ты меня выручил! Вот спасибо! Век не забуду! А ты говорил — крыша! Слушай, а ты не хочешь к нам охранником устроиться, а? Как ты их раскидал!..

— Не хочу, — сказал я гордо.

— Сам-то кем работаешь?

— Я адвокат.

— Адвока-ат... — протянул с уважением водитель. — Да, тогда конечно... И много зарабатываете? — Он опять почувствовал классовую разницу.

— Много, — соврал я.

— Ну и я много, — примирительно сказал водитель. — Так что денег я с вас по такому случаю не возьму. Приехали!..

Действительно приехали, а я и не заметил.

— Ну ладно, браток, бывай! — сказал я ему, невольно подделяваясь под его разговор. Людям так больше нравится. И понимают они тебя легче, когда ты с ними говоришь на одном языке...

— Спасибо. И вам того же... — И машина с вежливым водителем, развернувшись, ука-тила в неизвестном направлении.

Вздыхнув, я начал подниматься по ступеням. Работа, работа... Теперь еще несколько часов не расслабишься. У меня же после такой гимнастики все тело болело, и хотелось развалиться в кресле, закрыть глаза и принять кофе с сигареткой. Вздыхнув, я отложил это на после обеда... В приемной меня уже ждали несколько посетителей. Начался рабочий день.

Глава 3

«Тихонов Вячеслав Карпович. Генеральный директор таксопарка», — бежали по экрану компьютера строчки. Строчки увеличились в размере, стали жирнее, толще. «Бизнесмен», — добавилось через секунду на экране. Визитная карточка была готова.

Экран компьютера вспыхнул, замигал разноцветными звездочками, погас. На экране появилось красивое лицо пятидесятилетнего мужчины. Это и был директор таксопарка Тихонов. Горизонтальные морщинки над самой его переносицей приняли сливообразную форму, похожую на плоский глаз без зрачка — Тихонов нахмурился: судя по всему, визитная карточка его не устраивала.

Сигарета легла на край фарфоровой пепельницы, сделанной в виде полулежащей обнаженной женщины. На фарфоровую женщину упал пепел. Пальцы Тихонова с золотой печаткой на мизинце постукивали о край стола. Покачивалась начищенная до блеска изящная черная туфля.

Вячеслав Карпович Тихонов сидел в своем кабинете. Настроение, прямо-таки, скажем, было у него неважнецкое. Вчера вечером жена закатила истерику: «Хочу в Италию! Ленка вон уже третий раз ездила. А я...»

Ленка — это соседка по даче, ее муж — одноклассник Тихонова, директор шиноподшипникового завода. Тихонов, конечно, понимал, что поездка жены в Италию не повлияет существенным образом на его семейный бюджет, но какая-то часть его мужского самолюбия протестовала. Протест вылился в семейный скандал приблизительно такого содержания:

— С какой стати? Я сам не был в Италии ни разу... — возмущался Вячеслав Карпович. — Попробуй вначале заработать себе хотя бы на один сапог, тогда поймешь, как она дается, копейка...

Вот и сейчас, когда раздался телефонный звонок, Вячеслав Карпович невольно вздрогнул. Приподнял трубку телефона, секунду помедлил: «Может, дать отбой?» — потом решительно заговорил.

Конечно, Тихонов лукавил. Деньги были. Но почему-то не хотелось тратить их таким, как он считал, совершенно бездарным способом. К тому же что-то внутри него напрягалось, заставляло беспокоиться по каждому, даже незначительному поводу. Словно он чувствовал: что-то должно произойти.

Это ощущение впервые появилось у него несколько дней назад, после звонка Трофима. Трофим вел себя странно, почему-то спрашивал о ближайших планах, зачем-то предлагал просто встретиться. Тихонов понимал, что у этого человека ничего не бывает «просто». Но что крылось за всем этим, он не знал.

— Я вас внимательно слушаю.

Трубка молчала.

«Проверяют...» — подумал Тихонов и сам удивился своим мыслям. Кто и с какой стати мог его проверять? Его, директора таксопарка, в общем-то не последнего человека в их городке... Чувство беспокойства не покидало Тихонова, он встал с кресла и прошелся по кабинету. Массивные дубовые стулья, когда-то так нравившиеся ему, длинный овальный стол, зеркало округлой формы — все, так любимое раньше, теперь раздражало, вызывало беспокойство и тоску.

Тихонов остановился у зеркала. Каштановые волосы с проседью, правильной формы нос, подбородок с ямочкой, карие глаза... Тихонов поправил ворот рубашки — пятидесятилетний все еще красивый мужчина в зеркале сделал тоже самое. Тихонов улыбнулся ему:

— Такие вот дела, Вячеслав Карпович...

Что и говорить, Вячеслав Карпович всегда испытывал к самому себе... некоторое чувство влюбленности, можно сказать, он считал себя идеалом мужчины, недаром ведь у него такая замечательная фамилия — Тихонов! И даже то, что все вокруг, не сговариваясь, окрестили его Штирлицем, казалось Вячеславу Карповичу самым настоящим комплиментом: еще бы, красавец мужчина, умный, смелый, одним словом — герой. Правда, с некоторых пор что-то дрогнуло в душе «героя». Когда же это произошло?

Тихонов перебирал в памяти события прошедших нескольких дней: работа, работа и работа. Ничего особенного. Ничего примечательного. Кроме загадочных звонков и ссоры с женой.

В последнее время они часто ссорились. Тихонов понимал, что не давал жене необходимых ей любви и ласки. Честно говоря, ему в последнее время было абсолютно не до нее. Он даже не мог ответить себе, любит ли он ее? Вряд ли. Ему почему-то стало очень жаль ее. Вячеслав Карпович вспомнил, как они познакомились...

Было жаркое лето.

Ялтинский берег переполняли отдыхающие, несмотря на заходящее солнце, все лежаки на пляже были заняты. Тихонов лежал на животе у самой воды. Теплые волны касались его ног, размывали под ними песок. Словно приглашая к себе... В себя...

Тихонов не выдержал, поднявшись, резким движением с размаху плюхнулся в волны, обдав при этом брызгами какую-то пожилую особу. Пожилая особа сделала недовольное лицо, пробурчала что-то типа: «Понаехали... нахалы...» Но Тихонов уже не слышал этого. Он плыл все дальше и дальше, шурясь от лучей заходящего, но все еще слепящего глаза солнца... Неожиданно он услышал, точнее, вначале увидел пузыри на волнах, метрах в пятнадцати от себя, потом догадался, различил слова: «П-ма-ма-а...ги-и...» Вячеслав (тогда еще его никто не называл Вячеславом Карповичем) понял: кто-то тонет. И еще он понял, что тонет девушка. Мгновенно оценив ситуацию, он быстро подгрел к тонущей, схватил ее одной рукой за волосы, второй за талию, успев оценить гибкость ее тела, стройную фигуру...

Так они познакомились. Роман, начавшийся столь романтично, был бурным и довольно быстро перерос в решение — жениться. Решению способствовало и то, что у будущей жены были довольно значимые по меркам того времени родители: папа — директор ресторана, мама — бухгалтер банка... Тихонов тогда был счастлив.

А теперь он испытывал перед женой горькое чувство вины и разочарования. Вины — от того что так и не смог сделать ее счастливой, а разочарования — потому что не стал счастлив сам.

Перебирая в памяти события прошлых лет, Вячеслав Карпович снова вспомнил вчерашний разговор с женой и его собственное беспричинное (он совершенно отдавал себе в этом отчет) раздражение.

Вдруг он понял почему. Конечно же! Тихонов просто не хотел, чтобы жена уезжала. Неважно куда: в Италию ли, на дачу, к своей маме, к первому мужу... Потому что он боялся. Чего? Вячеслав Карпович сам не мог понять, но это неведомое ранее состояние все нарастающей тревоги не покидало его ни на минуту, подчиняя все, что происходило вокруг, одному — поиску объекта опасности.

Объект не заставил себя долго ждать.

— Слава? Слушаешь? — Это звонил Шишков. — Алло, ты здесь?

По голосу Шишкова было заметно, что он нервничал.

— Слушаю, — выдавил из себя через силу Тихонов.

— Я везу к тебе Трофима, ты все понял? — Шишков говорил тихо, словно боясь, что их услышат.

— Как тебе это удалось? — Вячеслав Карпович услышал, как бьется его сердце, почему-то оно, вопреки всем его познаниям в области физиологии, сейчас билось у него прямо в горле.

— Бензин кончился... На бензоколонке...

Шишков говорил что-то еще. Но Вячеслав Карпович уже не слушал его, положив трубку на стол, он налил в стакан газированной воды, выпил залпом, позвонил секретарше.

Благоухая только что купленными духами (такой вывод можно было сделать потому, что она вылила их на себя достаточное количество), вошла секретарша.

— Леночка, — оценил аромат Тихонов, демонстративно глубоко втянув в себя воздух, — у вас чудный вкус... — Он протянул ей для приветствия руку, чуть придержал в своей руке ее тонкие длинные пальцы, поцеловал ладошку изящной руки.

Секретарша просияла, присела на край стола своего шефа, облокотилась на спинку его кресла.

— Леночка, — продолжил Тихонов теперь уже другим тоном, привыкшая к переменам настроения шефа Леночка встала со стола, — я вас очень прошу, пожалуйста, не пускайте ко мне никого.

Леночка поняла, кивнула, повернулась к шефу спиной и, качнув пару раз узкими бедрами, вышла из кабинета.

Тихонов проводил ее взглядом. С ней у него тоже был роман. Странное стечение обстоятельств: все женщины, которые его окружали, вначале становились его любовницами, а потом кто — женами, кто — подругами, кто — коллегами по работе...

Правда, с Леночкой произошла отличная ото всех других замечательная история, которую вряд ли можно было назвать романтической.

Это случилось три года тому назад. Тихоновская теща отмечала свой очередной юбилей. Какой именно, Вячеслав Карпович не знал, он сбился со счета, ему казалось, что она отмечает эти юбилеи каждый год.

Столы, расставленные по всему дачному участку, ломились от яств. Чего там только не было! Знакомая и малознакомая публика уже устала дегустировать все прибывающие напитки, полусидела, полулежала на коврах ручной работы, которыми почти сплошь была устлана трава родительского участка. Ни у кого не было больше сил ни на что — ни на еду, ни на выпивку, ни на скучные однообразные разговоры, ни даже на новые знакомства. Вячеслав Карпович дремал, прислонившись спиной к ореховому дереву, порой он приоткрывал глаза, не то контролируя, не то оценивая ситуацию. Неожиданно его внимание привлекла девушка, «тонкая и звонкая», как он ей сам потом сказал, она... собирала одуванчики. Да, среди всего этого пресытившегося пиршества она собирала не измятые коврами одуванчики. Тихонов присмотрелся: девушка была хороша собой. Он был как раз в том состоянии, когда решения принимаются легко, а о вопросе об ответственности за них не может быть и речи. Тем более что ответственности, как таковой, и не предполагалось. Он просто встал с ковра, подошел к девушке и сказал:

— Давайте уедем отсюда... — Девушка посмотрела на него своими замечательными глубокими синими глазами, Тихонов смутился, но уверенно повторил. — Прямо сейчас...

— Куда? — спросила девушка.

Ее звали Лена. Они мчались по трассе на одной из тихоновских машин, сами не зная куда и зачем, останавливались у обочины дороги через каждые полчаса и занимались любовью.

В тот день Вячеслав Карпович понял, что лучшей секретарши ему не найти.

Прежняя секретарша, Нина Андреевна, была тут же уволена, что вызвало упреки жены и скрытое недовольство тещи. Дело в том, что именно теща устроила к нему на работу эту Нину, она приходилась многочисленному семейству дальней родственницей. Кем именно, Тихонов не интересовался, его всегда раздражали бесчисленные родственники жены, которыми ему приходилось заниматься, устраивать в институты, на работу, вникать в их бесконечные финансовые проблемы.

А дальше все шло так, как и должно было идти. Тихонов задерживался на работе, врал жене, иногда «работа» затягивалась до утра, порой даже продолжалась в выходные дни. Лена оказалась на удивление страстной, чуткой и деликатной девушкой, к тому же неплохой секретаршей.

Иногда Вячеслав Тихонович задумывался о том, а не пора ли ему сменить жену, которая, безусловно, проигрывала секретарше и в годах, и во внешности, и даже в умении общаться с людьми, находить особый подход к каждому клиенту. Одним словом, жена проигрывала Лене во всем, кроме одного — своих влиятельных родителей, которых Вячеслав Карпович, честно говоря, немного побаивался. Да и чувство вины, таившееся где-то в глубине его души, не позволило бы этого сделать. Тихонов уже давно испытывал к жене странные родственные чувства, причем иногда совершенно полярные: от нежности до «убил бы!». Причем эти чувства к любви не имели никакого отношения, но делали ее частью его самого. В последнее время Тихонов все чаще и чаще задумывался об этом, словно подводя всем своим отношениям с окружающими его людьми некий итог, черту, за которой должна была стоять оценка. Оценка всей его жизни. Причем почему-то во все отношения, во все ситуации хотелось привлечь жену, то ли спросить у нее совета, то ли спрятаться, то ли просто пожаловаться — Тихонов сам не осознавал.

Вот и сейчас ему захотелось позвонить жене. Вячеслав Карпович набрал домашний номер своего телефона... Длинные гудки... Свободно...

Неожиданно дверь распахнулась, точнее, не распахнулась, а едва не сорвалась с петель. В комнату втокнули насмерть перепуганную Лену. Некто — кто именно, Тихонов не успел сразу разглядеть лица — держал ее сзади за горло. «Вооружен, — успел отметить про себя Тихонов, — но при чем тут секретарша?»

— Чтоб молчала! — приказал незнакомец Лене, словно отвечая на непоставленный вопрос директора таксопарка, и бросил ее в свободное кресло рядом с журнальным столиком, сам же вольготно расположился в другом.

«Что делать?» — глазами спрашивала шефа Лена.

— Все в порядке, не волнуйся, — удивился собственной выдержке Тихонов, — может, приготовишь нам кофе?

— Сидеть! — рявкнул на движение поднимающейся с кресла Лены незнакомец.

Вячеслав Карпович усмехнулся. Он уже понял, кто перед ним. Тот самый Трофим, которого должны были привезти его люди. Но как он оказался здесь? Где моя охрана? Он один или там, за дверью, его люди? А может, эта смелость бандита — дешевый наезд, своего рода трюк, рассчитанный на лоха? Тихонов решил выдержать паузу, стараясь не выражать страха, смотрел в глаза Трофиму. Трофим демонстративно с ног до головы разглядывал Лену, словно раздевая ее, очевидно решив тем самым вызвать ярость Тихонова.

Вячеслав Карпович казался беспристрастным. Он уже понял, зачем пожаловал к нему Трофим — за деньгами; что касается Лены, то, честно говоря, Тихонова этот вопрос не слишком беспокоил.

Трофим молчал, достав из кармана пачку «Беломора», закурил, жестом предложил «Беломор» Тихонову и Лене, выразил бровями крайнее удивление: «Как, неужели вы не курите «Беломор»?» Всем своим видом и поведением Трофим давал понять, что он хозяин положения и от него зависит, что произойдет в ближайшие минуты в кабинете директора таксопарка. Трофим курил, роняя пепел на пол. В глазах Лены был ужас. Тихонов ободряюще улыбнулся ей, подмигнул: мол, спокойно, девочка, все о'кей.

Зазвонил телефон. Тихонов потянулся к трубке, но, остановленный взглядом Трофима, положил руки на стол. Напряжение нагнеталось, Вячеслав Карпович подумал, что Трофим явно кого-то ждет, но профессиональной закалки и спокойствия пока хватало.

«Ждет моей реакции, надеется, что я испугаюсь, — думал директор таксопарка, — стараясь всем своим видом выражать спокойствие и хладнокровие, — не дождешься, голубчик».

Трофим прокашлялся:

— В горле першит, сегодня сухой воздух, вы не находите?.. — Ему никто не ответил, он продолжил: — Недавно прочел в газете одну заметку: крупные бизнесмены, известные люди стали заключать страховые договоры на совершенно фантастические суммы. Причем страховались на случай именно трагической или насильственной смерти.

«Откуда он знает, что застрахован на случай трагической смерти?» — удивился Тихонов, но внешне ничем не выразил своего удивления, пожав плечами: ну и что?

— А через месяц погибали: автомобильные катастрофы, бомбы, террористы, — продолжил Трофим. — Представляете? Следственным органам не удалось опротестовать ни одного договора, потому что клиенты погибали действительно случайно... Интересный случай. Правда? — Он помолчал пару секунд. — Так как насчет случайной смерти, Вячеслав Карпович?

— А вы уверены в том, что с вами не может произойти ничего подобного? — Тихонов решил, что сейчас лучший способ обороны — это нападение.

— По крайней мере в ближайшее время, пока я нахожусь здесь, нет. — Трофим послал Лене воздушный поцелуй: — Ты моя ласточка!

Терпение Тихонова подходило к концу. Это не укрылось от Трофима.

— Итак, — сказал он.

— Итак? — переспросил Тихонов, явно нервничая. — Чего вы хотите? Денег? Сколько?

— Мы хотим, чтобы у таксопарка был другой директор. Если вы будете возражать, то прежнего директора просто не станет... Случайная катастрофа. Знаете, в последнее время с людьми это так часто происходит...

— И сколько вы мне предлагаете? — спросил Вячеслав Карпович.

Трофим рассмеялся:

— Сколько? Да вы с ума сошли! Я предлагаю вам жизнь! Взамен какой-то там мелкой должности...

— Мелкой... — повторил автоматически Тихонов, — мелкой... — Он просто оттягивал время, может быть, чтобы оценить ситуацию, или ждал, что кто-нибудь войдет.

Вячеслав Карпович не подозревал о том, что у входа стояли двое людей Трофима, сообщая всем, что директора таксопарка неожиданно увезли в больницу: «Случайная катастрофа, знаете ли, в последнее время это часто бывает...»

Снова раздался телефонный звонок. Тихонов был почти уверен, что звонила жена. Теперь ему стали понятны ее бесконечные упреки, что он задерживается на работе, не говорит ей о том, где пропадает днями и ночами. Он думал раньше, что это глупая женская ревность, и только теперь понял, как она переживала за него. Каждый раз, когда он возвращался утром, не предупредив, она не спала, сидела в столовой с заплаканными глазами и, встретив его, осыпала градом упреков. Все это вело к тому, что он задерживался «на работе» все дольше и дольше обычного, жена все больше раздражалась и плакала...

Последний раз он вернулся домой, проводив Леночку, около пяти часов утра. Жена, как всегда, не спала. Приготовившись к очередному скандалу, Тихонов по звуку журчащей воды без труда определил, где она. Конечно, в ванной. «Что за дурацкая привычка часами занимать ванную», — думал он, слушая красивую, убаюкивающую музыку. Музыка переливалась морскими волнами, глухие удары, очевидно, имитировали звук материнского сердца... Как все это раздражало Тихонова! Это ее вечное пристрастие ко всему восточному, мистическому — запахам, палочкам, птичкам и травкам... Выключив музыку, Тихонов заглянул в ванную. Жена лежала в ванне, свернувшись калачиком, прижав колени к подбородку, и плакала. Разумеется, был скандал.

Она осыпала его упреками, говоря, что обзвонила всех знакомых, пытается узнать, где он и что с ним, что на работе ей сказали, что «они уехали» в шесть часов вечера...

— Жена должна быть прежде всего веселой, потом красивой, а не такой зареванной, как ты, и только потом умной! И если ты догадываешься о чем-то, то это твои проблемы, нечего мне демонстрировать свою наблюдательность и детективные способности!

Она что-то говорила о дурных снах, связанных с ним, о каких-то предчувствиях, о собственных страхах за него, просила оставить ради нее «эту работу». Тихонов не стал уточнять, что именно она имела под «этой работой» — должность директора таксопарка или роман с Леночкой, ему это было неважно. Весь ужас для него заключался в том, что от него требовали каких-то жертв!

— Ради тебя! — Тихонов разошелся не на шутку, он не привык делать ничего ради кого бы то ни было, тем более — ради нее.

Он кричал, что жена должна всегда встречать его ласковой улыбкой, а не упреками, что ее обязанность — радоваться тому, что он вообще пришел... А мог бы и не прийти...

Чем громче он кричал, тем тише и тише она плакала, все больше и больше сворачиваясь в калачик. Тихонов распаялся все больше, чувство жалости, которое он испытывал к ней в те минуты, раздражало его самого. Оставив ее лежать в ванной, он хлопнул дверью и ушел спать в гостиную, демонстративно игнорируя совместную спальню...

В тот вечер он решил ее бросить.

«Бедная моя, бедная, боже мой, какой я дурак», — думал теперь Вячеслав Карпович, испытывая сейчас, скорее, чувство вины перед женой, чем чувство страха. Телефон надрывался от звонков. «Шишков?» — прикидывал, кто бы это мог звонить, Тихонов. Он еще не знал, что Шишков в это время звонить уже не мог. Тихонову и в голову не могло прийти, что «взятие» Трофима было всего-навсего ловушкой, которую подстроили Шишкову и Тихонову братья Трофимовы, чтобы заманить одного из них на бензоколонку, а другого взять прямо в кабинете.

План был разработан Антоном, Жора, как всегда казался скептически настроенным, но вынужден был признать, что план неплохой. Обмануть Шишкова оказалось не так уж сложно, но больше всего удовольствия братья получили, прослушивая разговор Шишкова с Тихоновым...

«Я везу с собой Трофима...»

«Как тебе это удалось?..»

«Бензин кончился... На бензоколонке...» — слушая эти слова, братья покатывались со смеху.

— Ну бараны, ну лохи! — восторгался собственной выдумкой Антон. — Клевая идея, правда, Жор?

Жора вел себя сдержаннее, все-таки придумал это не он, ущемленное самолюбие давало о себе знать.

Тихонов чувствовал, что проиграл. Противник оказался гораздо хитрее и опаснее, чем можно было предположить.

«Кто бы мог подумать, — скорее удивлялся, чем переживал Тихонов, — что все так обернется...»

Глава 4

Я сидел на работе и скучал. День обещал быть довольно спокойным. Может, погода навела меланхолию; не знаю, как другие, но я лично чувствовал себя осенней мухой. Да и любой, кто посмотрел бы за окно сегодня, вынужден был бы признать, что «плохой погоды у природы» — есть. В избытке...

По тридцатому разу я объяснял сидевшей напротив меня древней старушке ее права в отношении собственности на квартиру. Бабуся собиралась на старости лет съехаться вместе со своей старой в прямом и переносном смысле подругой, чтобы провести вместе остаток дней суровых. И та, и другая бабушка благополучно похоронили своих мужей. (Иногда все-таки, как подумаешь, хорошо, что я до сих пор так и не женился.) А вот теперь им, видите ли, легче вместе жить. Ну я понимаю, и жили бы, а кто им, не родственницам, даст оформить совместную собственность на квартиру да и прописаться вместе? И главное — я здесь совершенно ни при чем. Отправить ее, что ли, в ЖЭК, там пускай мозги пудрит, все равно она моих слов не понимает...

И почему эта старушенция, к тому же глухая на одно ухо, притащилась ко мне, а не к нотариусу? Ее визит не сулил мне никакой прибыли — что взять с пенсионерки? — а только потерю времени, но я впал в такую апатию, что совершенно не раздражался по этому поводу — монотонно повторял бабке, что возможности съехаться с подругой она не имеет, и даже при этом слегка ее жалел: что поделать, законы у нас в государстве покамест оставляют желать лучшего, есть в них еще довольно много белых пятен, которые давно, если честно, пора заполнить... Не делопроизводство, а дырки в сыре, в лабиринте которых шныряют как мыши ушлые и умелые адвокаты, подобные мне. С одной стороны, это для нас хорошо, с другой — плохо. Иногда на такую глупость наткнешься, что... А людей жалко.

Следующей в очереди ко мне была записана гражданка Рожкина, я определил это, взглянув в ежедневник на столе. Выпроводив бабушку (кажется, она так ничего и не поняла, — хорошо же ей живется), я направился к столу, намереваясь выложить на видное место папку с бумагами по делу Рожкиной. С теми самыми бумагами, добыть которые стоило мне такого труда.

М-да, скучноватый денек. Без огонька... Если б не мое утреннее приключение...

А интересно все же с этими бабками получается, думал я, разыскивая папку... Должно быть, хорошо старухам. Где-то. Отчасти... Со старухами обычно предпочитают не связываться. И вовсе не из вежливости и не по моральным соображениям, — видимо, пугает зрелище женщины, столь близко подошедшей к смерти, так изуродованной временем. К тому же посторонний заранее предполагает в попавшейся ему на пути бабке старческое слабоумие, маразм и т. д. Потому бабка может спокойно, не опасаясь за себя, вступаться за добро и справедливость, на все корки распекать хулигана в троллейбусе или на улице, цепляться к молодежи (иногда они тоже меня раздражают, эти раскрашенные, как индейцы, шестнадцатилетние), бить зонтиком на улице человека, обидевшего собаку... К сожалению, они не так часто пользуются удобствами своего положения и предпочитают два занятия — нищенство, прямое и завуалированное под продажу каких-нибудь дрянных мелочей, и торговлю наркотиками. Если бы я был бабкой, я бы вел жизнь, достойную моих седин...

Обшарив кабинет в поисках папки, я, похолодев от предчувствия, вспомнил, что, кажется, пришел на работу с пустыми руками. Ну да, я еще так вольготно засунул их в карманы, когда проходил мимо швейцара...

Черт! Вспомнил! Конечно, где еще я мог ее забыть?.. В такси этом распроклятом, что за день, все кувырком! Правильно — обрадовался, что выпала возможность кулаками помахать,

героем себя почувствовал, настоящим мачо, конечно, тут уже не до папки... Однако что же делать сейчас? Хорошо хоть, это был таксист, а не частник. Ищи теперь его...

Я быстренько раскидал по столу малозначимые бумажки, создавая видимость кипучей деятельности, а папку перед собой открыл совершенно другого клиента — не буду же я признаваться клиентам в собственной рассеянности, у меня всегда должно быть все четко и прекрасно, имидж преуспевающего и довольного жизнью человека. Это сейчас модно. К другому и люди не пойдут... Только вот убедите меня — улыбаться во все тридцать два зуба я сам никогда не научусь, да и вообще никому в России не советую. Не знаю, в чем тут дело, может, особенности анатомии, только у нас широкая улыбка все больше на оскал похожа.

Когда вошла Рожкина, я постарался побыстрее ее спровадить, тем более что у нас не было ничего особо нового сообщить друг другу. Мне вообще по роду профессии случается сталкиваться с самыми разными людьми, и большинство из них выносить невозможно. Есть такая надоедливая порода людей, которые очень любят казаться самому себе и всем окружающим чертовски деловыми. Для этого им постоянно требуется с жутко важным видом вести с вами бесконечные малозначимые переговоры и лично, и по телефону. Они от этого чувствуют себя лучше. И сами себя уважать начинают. При этом еще постоянно посматривают на часы, а также неожиданно прерывают разговор без всякой надобности, чтобы кому-то позвонить по телефону: «Юрия можно? Нет его? Передайте, Шнурков звонил»... Женщины же отличаются поразительной непонятливостью, скандальностью, стремлением смотреть на все только со своей колокольни, животным мелким эгоизмом, суетливостью, склонностью к запутыванию следов, лживостью... Ф-фу... Иногда я думаю — у меня прямо-таки ангельское терпение.

Пока мне надоедала своими слезными рассказами Рожкина, которой, видимо, больше не с кем было горем поделиться — наверняка подруги уже слышали все это не по одному разу и больше не хотят, — я прикрыл глаза, изображая глубочайшее раздумье и внимание, но на самом деле задумался о другом: я пытался вызвать у себя в памяти какую-нибудь характерную деталь, которая могла бы помочь мне отыскать таксиста.

К сожалению, у меня нет привычки запоминать номера машин случайных знакомых. Я не Шерлок Холмс. А зря. Сейчас бы пригодилось... А что там за табличка у него была, с фамилией и ай-ди — идентификационным номером то есть? Номер я, пожалуй, не вспомню... Хотя... по-моему, Шашков его звали, вспомнил я и обрадовался. Я еще тогда, утром, подумал: как ассоциативно, Шашков — шашечки на такси, таксист... Потом внезапно на меня снизошло вдохновение и я понял, что помню номер таксопарка! Он был написан на удостоверении жирным шрифтом. Нет, все-таки я еще на что-то гожусь! От радости я открыл глаза и улыбнулся, чем слегка напугал Рожкину.

Разделавшись с ней, я кинулся листать справочник. Нужный мне таксопарк находился за тридевять земель, за городом. И кто придумал? Тоже нашли место. Пока доедешь до Москвы — сколько бензину вылетит! Хотя, наверно, аренда дешевле... В наши времена каких только контор и где не встретишь.

Не повезло. Я попробовал туда позвонить, но трубку почему-то никто не брал. Что, в самом деле, за халатность у наших администраторов! Вот вроде бы и рыночные отношения ввели, а им всем хоть трава не расти: ведут себя как и раньше — безответственно и лениво. А если бы и подошла она к телефону — я почему-то был уверен, что на телефоне в данном заведении обязательно какая-нибудь дама солидных габаритов, с перманентом, в зеленом шерстяном платье, и даже, может, с золотым зубом... так сказать, местная королева бензоколонки... — так вот, если бы и подошла, так ничего бы мне не сказала, обхамила бы противным голосом и трубку бы после каждой фразы бросала, сиди перезванивай ей... Ну нет у нас пока сервиса.

По всему выходило так, что придется мне ехать в таксопарк самому. День пропадал на глазах. Ненавижу досадные проволочки в делах, ненавижу ждать, ненавижу мелкие необходи-

мые бытовые дела. Ничто не отнимает столько времени и сил, как, скажем, ожидание в очереди у врача, или заполнение бумаг в ЖЭКе, или уплата по счетам в сберкассе...

Чтобы добраться до пригорода, мне пришлось опять брать такси, по причине все той же несчастной неработающей машины. Так и разориться недолго! Впрочем, деньги, захваченные мною с утра, чтобы доехать до работы, по известным причинам так и не были потрачены — я, можно сказать, заплатил натурой... Но, с другой стороны, теперь-то мне придется потратить в два раза больше, чтобы вообще разыскать этого таксиста и свою растреклятую папку. Так что экономить не выходило... Значит, я не просто совершил хороший поступок, но и, как настоящий порядочный человек, не поимел с него никакой для себя выгоды...

Такси я поймал довольно быстро, и доехали мы с ветерком. Поднимаясь по ступенькам, ведущим в длинное строение, похожее скорее на амбар, и являющееся главным и единственным административным корпусом таксопарка, я думал, что таксистов с меня на сегодня, пожалуй, достаточно... Как бы не так! Я еще не знал, что мне предстоит. До конца дней своих, кажется, ездить на такси не буду! Уж лучше пешком ходить... Но об этом позже.

Итак, я зашел в здание и осмотрелся. Пыльные гераньки на подоконниках, занавесочки тюлевые... Линолеум желтый, все обшито обшарпанным ДСП по старинке — типичное госучреждение средней руки времен Советского Союза. Интересно, что здесь раньше было, на отшибе?

Наугад я свернул в коридорчик, выискивая дверь, по виду похожую на кабинет начальства. И тотчас же был сильно поражен: навстречу мне по коридорчику неслись огромными скачками два громадных мужика в черных масках, размахивая оружием и топоча сапогами! Первый размахнулся, чтобы звездануть мне по виску, промазал и решил не останавливаться. Инстинктивно я прижался к стене, и они пролетели по инерции мимо меня, лишь один, обернувшись, на бегу стрельнул, но попал, слава богу, в древесную стену рядом с моим ухом. Деревяшку сильно разворотило...

Они вылетели, оставив дверь на улицу распахнутой. Я стоял, прижавшись к стене, и старался справиться с дрожащими коленями. Поймите меня правильно, я не трус, но когда вот так, неожиданно... Без предупредительного выстрела в воздух...

Ворвавшийся в помещение сырой осенний воздух немало способствовал тому, чтобы я очухался.

Вздохнув, на негнущихся ногах я отправился дальше по коридору, предчувствуя что-то весьма нехорошее. И почему я вечно попадаю в историю?

Распахнув солидную дверь находящегося прямо по ходу кабинета, обитую войлоком и кожаным покрытием, я попал именно туда, куда и собирался пройти, — к начальству. Однако картина, представшая перед моими глазами, явно свидетельствовала, что ни начальство мне, ни тем более я ему ничем не можем помочь. Седой и лысоватый человек сидел в кресле за столом свесив голову и обильно укапывал яркожелтый паркет собственной кровью. Я осторожно вышел из кабинета, прикрыв дверь. Навстречу мне неслась следующая порция неприятностей — та самая королева бензоколонки, как я ее определил еще в Москве, только намного моложе и гораздо симпатичнее, чем нарисовало ее мое раздраженное воображение. Дама, однако, оказалась на редкость реальна и настойчива.

— Что? Кто?! — начала она сразу с наиболее скандального тона. — Что случилось? Вы кто? Как сюда попали?

— Спокойно, милая, — сказал я, внимательно наблюдая за ее реакцией, — звони, вызывай «скорую», а потом милицию, хотя, может, «скорая» ему уже и не понадобится.

Симпатичная административная дама, очевидно секретарша, вскрикнув, попыталась меня протаранить и ворваться в кабинет, но я стоял как скала.

— Нечего, нечего тут женщине делать. Да иди же, звони, говори, нападение было... Теряем время. Может, начальник твой дуба еще не дал...

Всплеснув пухлыми руками, умчалась на каблуках, дробно стуча ими, как скаковая лошадь копытами.

Я приоткрыл дверь и с сомнением посмотрел на тело. Было сильное искушение пойти и порыться на столе в бумажках, но это профессиональное. Я устоял. Эта оголтелая прискачет обратно с минуты на минуту, а мне бы не хотелось выглядеть подозрительно...

Милиция, несмотря на провинцию, прибыла довольно оперативно. Происшествий, знать, у них тут мало, по делу небось стосковались... А может, наоборот — много. Не знаю, в общем.

Старания врачей оказались напрасны — директор подстрелен был весьма грамотно и скончался почти сразу. А я, значит, выходил единственным свидетелем убийства! Вот чего мне в жизни не хватало, так это острых ощущений. Чтобы я еще хоть раз заикнулся, что день проходит скучно!..

Во дворе хмуро гудели, переговариваясь тихо между собой, таксисты. Сходку устроили, тоже мне, народное вече... Небось решают, работать им сегодня или нет. Моего таксиста, как я успел убедиться, среди них не было.

Мне, как свидетелю, естественно, пришлось проследовать в отделение. Ну а местные блюстители порядка оказались не лучше и не хуже московских — и внешне, и по манерам. В сущности, приятных людей меж ними мало, да и пойдет ли приятный человек на такую работу! А ведь известно, что человек, обладающий мелкой властью, страшнее любого тирана. А как он ею упивается! Меня не очень спасало и удостоверение адвоката, тем более что я был не местный, а столичная штучка. Моя профессия вкупе с местожительством не способна была вызвать у них ничего, кроме презрения.

— Ну-с, рассказывайте, гражданин Гордеев, какими судьбами? — спросил тот толстый мент, которого остальные менты называли «дядя Леша». Похож он был на комика Бенни Хилла, но, конечно, не такой жизнерадостный и холеный.

Я поведал грустную судьбу моей папки, умолчав об утреннем инциденте.

Затем потянулась длительная, мучительно нудная процедура допроса меня как свидетеля — хотя кое-кто, кажется, не отказался бы сделать меня обвиняемым. Но из своих наблюдений я заключил, что им известно гораздо больше меня, мои показания никого не удивили, наоборот, все милиционеры как-то заговорщицки переглядывались и вообще, по своему обыкновению, совершенно неизвестно, чего от меня хотели. Создавалось впечатление, что они прекрасно знали, кто убил директора таксопарка и за что. Потерзав меня тем не менее как мальчишки гусеницу, назадавав кучу двусмысленных и каверзных вопросов, они наконец отступились. Дали подписать показания, я подмахнул, прочитав конечно, и пулей вылетел на улицу. Я мог бы, конечно, мстительно над ними поиздеваться, на то я и адвокат, права свои знаю, потянуть резину, понервировать... Но игра в данном случае не стоила свеч — да и здорово мне надоело в этой убогой ментовке с нездорово-синим цветом крашенных стен.

Моего мужества еще хватило на то, чтобы вернуться в таксопарк, разыскать взволнованную и заплаканную административную женщину и вытрясти из нее домашний адрес нужного мне таксиста. Женщина от потрясения сделалась чрезвычайно подозрительной, долго сличала мою личность по документу, недоверчиво слушала мою историю про папку, явно сочтя ее неудачно выдуманной, потом, вздыхая, долго копалась в карточках и бумагах и, наконец, скрепя сердце соизволила адрес выдать.

В город я вернулся уже на электричке, отчего лучше себя не почувствовал... всю дорогу лечил нервы минеральной водой.

Этот злосчастный таксист Шашков, втянувший меня в такую безобразную историю, жил, естественно, на другом конце города. Ах, как же плохо без машины! Завтра же займусь починкой, обещал я себе мысленно, звоня в дверь указанной в адресе квартиры.

И вновь мне предстоял шок, который уже по счету за сегодняшний день! На пороге стояла женщина, формы которой, рост и черты лица были прямо такими, как я люблю...

Во-первых, она не была ни высока, ни худощава. Не была ни мелка, ни суетлива. В ней чувствовалась добротность, присущая русским, и немного украинским женщинам из простых. Приятная полнота, замечательные светлые волосы, светлые и вполне спокойные глаза. К такому материнскому идеалу я пришел не сразу, но со временем. Приятно, когда с женщиной отдыхаешь. И так работа нервная, и по пути на работу и обратно — сплошной стресс, тут уж не до радикальных страстей. Тут выступают на первый план практичность, добровольно-договорные отношения, ну и вкусы, конечно, плюс сходство темпераментов... Стоп, о чем это я! Она же, наверное, жена моего таксиста!..

— Здравствуйте, — сказал я. — Меня зовут Юрий Петрович Гордеев. Я адвокат...

Мое неуклюжее приветствие ее несколько не испугало. Вот это женщина!.. Все так же спокойно продолжала она смотреть на меня, ожидая, что я еще скажу.

— Мне нужен... э-э... Шашков.

— Шишков, — поправила она меня. — Это мой муж (Ну вот! Я так и знал), его сейчас нет дома. Вы по какому вопросу?

— Я, собственно, папочку... Я у него в машине сегодня папочку забыл свою, и вот... Мне в таксопарке дали адрес...

— Наталья, — протянув руку, представилась женщина. — Может, пройдете, выпьете чаю? Я, правда, не знаю, когда он будет... А за вещи свои не волнуйтесь, бывает. Виктор обязательно заметит и отдаст. Это хорошо, что вы сами пришли, а то он бы мучился. Ну как, вы подождете?

Предложение подождать, исходившее от столь прекрасной особы, собственно, не следовало бы игнорировать, но тут примешался, во-первых, муж, а во-вторых, я вдруг понял, что хочу в туалет. Да-да!.. Не надо было всю дорогу пить минеральную воду... Может, кому и покажется смешно, но я иногда в таких вещах проявляю интеллигентскую стеснительность — ну не могу я, напросившись к прекрасной незнакомке в гости, сразу проследовать в сортир. Так что приятного общения все равно не получилось бы, а мне еще предстояло добраться до сколько-нибудь пригодного для моих назревавших потребностей места. Так что я ограничился тем, что выдрал из записной книжки лист, начеркал на нем свои данные — и рабочий телефон, и домашний, и даже адрес, на всякий случай — вдруг сам завезет!.. И решил откланяться.

— Мы вам обязательно позвоним, — успокоила Наталья Шишкова, разбирая мои каракули, потом слегка порозовела и поправила за ухом прядку волос. — До свидания...

Да что это, показалось мне, что ли? — думал я, спускаясь по лестнице, воодушевленный. Может, ей не очень нравится ее муж? Да нет, Гордеев, пресек я обрадованно рванувшиеся из глубин радужные мечты, — совсем ты от усталости обалдел, везде уже мерещится глупость всякая...

Без зазрения совести я опорожнил мочевой пузырь в щели за гаражами — не моя, в конце концов, вина, что в наших пенатах до сих пор днем с огнем не сыщешь общественных туалетов, — не умирать же от воспитанности!.. И направил свои многострадальные стопы к дому. На этом, кажется, мои приключения на сегодня должны были закончиться. Во всяком случае, я намеревался свою жизнь взять в свои руки и случайностей более не допускать. С какой-то целью принять душ, плотно пообедать и завалиться спать до вечера, поставив телефон на автоответчик... Можно было бы совсем, конечно, отключить, но совесть не позволяет. Или суетливость моя внутренняя. С отключенным телефоном нервов больше — все кажется, где-то что-то срочное и важное без меня случилось. Ну да это уже издержки профессии...

Ближе к вечеру, совершив все запланированное, я лежал на диване и не имел моральных сил стронуться с места и приготовить кофе. Но и просто отключиться не получалось — должно быть, все-таки здорово устал, так что я пребывал в некоем анабиозе, созерцая потолок и медленно размышляя о прожитой жизни.

Из оцепенения меня вывел телефонный звонок — он был таким неожиданным и резким в тишине квартиры, что я с перепугу подскочил на диване. Ругнувшись, решил не подходить. Включился автоответчик, и знакомый женский голос решительно произнес:

— Гордеев! Хватит на диване валяться. Я же знаю, что ты не на работе, лентяй этакий. Хоть бы к телефону сам подходил. Ненавижу автоответчики...

Ну вот, здрасте. Сколько лет, сколько зим... Это звонила моя давняя знакомая, подруга дней моих суровых, можно сказать, Лена Бирюкова... Та самая симпатичная «гейша», которую я в свое время вытащил из тюрьмы.¹ Меркулов в свое время забрал ее в Генпрокуратуру, где она, по моим сведениям, до сих пор и работала. Решила проверить, как дела? Свободная минутка, а подруги заняты?..

С другой стороны, я знал, что Лена просто так звонить не будет. Очевидно, что-то важное. От неприятного предчувствия засосало под ложечкой.

— Гордеев! Мне долго ждать? — сердился голос. — Это, в конце концов, просто невежливо!

Я снял трубку, пристыженный:

— Алло! Да, Леночка, извини, я соснул...

— Рассказывай! И что это, интересно, за манера — спать в середине дня?! Погоди, я сигарету возьму.

Вот всегда она так, думал я, стоя в ожидании у телефона. Решительна и прекрасна. Ну что ж... О боги, подумал я, вздохнув, и при луне мне нет покоя... Насколько я знал Лену, мне предстоял длительный и нервный разговор с последующими активными действиями... Впрочем, ради удовольствия побеседовать с ней я бы и не такое еще стерпел. Оказывается, поразился я, за то время, что мы не виделись, я порядком-таки соскучился.

¹ См. роман Ф. Незнанского «Гейша» (М., 1999).

Глава 5

Теперь возле каждого отделения ГИБДД чудесным образом можно найти удобное заведение, где быстро и недорого знающие люди, этикие ухватистые ребята, все сами оформят и сделают как надо. В один момент! И справку-счет грамотно выпишут, и сами в сберкассе посмотрят, и сами на учет поставят. Даже номера с любыми цифрами можно выбрать по вкусу, если есть лишние деньги. На корню все схвачено!

Шишков проехал немного, нашел свободное место и не спеша припарковался. Наташки нигде не было видно. Виктор прошел до самых дверей ГИБДД, оглядел все вокруг — ни ее, ни Борьки, ни Борькиного «мерса»! Но время еще терпит. Минут пять есть в запасе.

— Здорово, Шишок, — проходящий мимо бравый милицейский капитан запросто похлопал Виктора по плечу. — Новые машины в парк оформляешь?

— Себе тачку покупаю! — похвастался Шишков. — Наташка моя тут не появлялась?

— Сегодня не видал. Ну бывай!

— Стой! На самом интересном месте сбежать хочешь? Балабан... — Фамилия капитана, естественно, Балабанов. В школе он все время сидел как раз за спиной Шишкова. — Я тут свой таксомотор оставляю, потому что поеду на купленной. А ты отгони в парк, ладно?

— Не боишься казенное имущество доверять? — Капитан протянул ладонь. — Гони ключи! Если отогнать не получится, ключи будут у дежурного.

— Только много не катайся! Я же по счетчику отчитываюсь. Да и бензин...

— Шишок, частная собственность развивает в тебе жлобство!

— Да пошел ты! — Виктор замахнулся на капитана, но тот, засмеявшись, убежал в контору.

Шишкова здесь все давно и хорошо знали. Многие из молодых — его школьные товарищи, соседи, знакомые знакомых. А из стариков — бывшие друзья отца. Городок-то невелик.

Тут они с отцом ставили на учет свою первую «частную» машину. Тут он еще пацаном получал права. Волновался, дрожал больше, чем на простых школьных экзаменах. Еще бы! Рабочему парнишке трудно сообразить, зачем ему зубрить, допустим, формулы бензола, а вот что по машине — это же будущая профессия! Хлеб твой насущный.

Учил по-настоящему, без пропусков и шпаргалок. Но все равно... Строго принимали. Три раза ходил правила сдавать. А вождение — с первого раза!

Сейчас с этим стало по-другому. Раньше в парк принимали на работу только тех, у кого уже есть не только права, но и начальный опыт, то есть молодых шоферов из армии, бывших автобусников. Хотя, конечно, все и так понимали, что пробиться на работу в таксопарк для простого шоферюги было непросто. Пробивались по блату, нахрапом лезли, по-разному старались. Выгодное было место! Работа с людьми, да за наличные. А клиентов хоть отбавляй! Сел за баранку — и вперед! Граждане сами в машину кидаются! Проблема была отбиться от пассажира, чтобы пообедать. Это теперь все наоборот, когда надо стараться, тянуться, искать... Да и деньги теперь далеко не те. Теперь мало стоящих профессионалов приходит в парк. Сейчас все норовят к богатому олигарху в холуи пристроиться. Там действительно хорошие бабки. Но и работка специфическая... Бывший напарник Шишкова, который уволился почти десять лет назад, нашел себе такое «удовольствие». И как-то рассказывал, что заканчивает развозить все многочисленное семейство богачей часам к двенадцати ночи. Тещу из театра, детей с тренировок, домработницу с покупками, пакеты из прачечной... И все это после полноценного рабочего дня! Потом машину нужно в гараж поставить, вымыть. Пересесть в свою... И вот когда катишь домой почти на автопилоте, обязательно зазвонит мобила.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.